

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ УЙГУРОВ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

ВНЕСУДЕБНЫЕ / ВНЕПРАВОВЫЕ ЛАГЕРЯ
МАССОВОГО ИНТЕРНИРОВАНИЯ

СЕНТЯБРЬ 2020

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ УЙГУРОВ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

ВНЕСУДЕБНЫЕ/ВНЕПРАВОВЫЕ ЛАГЕРЯ МАССОВОГО ИНТЕРНИРОВАНИЯ

Годовой отчет
Сентябрь 2020

О Норвежском Уйгурском комитете (NUC)

Норвежский Уйгурский комитет (NUC) — это неправительственная организация, основанная уйгурской диаспорой в 2003 году, базирующаяся в Осло, Норвегия. Основная цель NUC заключается в привлечении китайского режима к ответственности за грубые нарушения прав человека в Восточном Туркестане, также известном как Синьцзян Уйгурский Автономный Район (СУАР), и в достижении справедливости для жертв этих преступлений. Мы сотрудничаем с Всемирным Уйгурским Конгрессом в общем стремлении привлечь ответственности за массовые преступления, совершаемые против уйгуров и других тюркских меньшинств в Восточном Туркестане.

Uyghur Transitional Justice Database (UTJD) - это продолжающийся проект, который направлен на регистрацию пропавших без вести, и подвергнутых внесудебному интернированию уйгуров в Восточном Туркестане. Мы разрабатываем комплексную и всеобъемлющую базу данных, для документирования продолжающихся массовых преступлений, совершаемых Коммунистической партией Китая в отношении уйгуров с момента пересмотра ее законодательства в 2017 году (с поправками от 9 октября 2018 года), которое “позволило” местным правительствам “обучать и преобразовывать” людей, подвергшихся влиянию экстремизма, в так называемых “лагерях профессиональной подготовки”, фактически известных как концентрационные лагеря, согласно их внесудебному характеру и типу.

Авторы:

Эркин Кайнат

Адриан Зенц (при содействии в разделе «Никто не застрахован», под редакцией Эркина Кайната)

Адылжан Абдурихим (Методология, под редакцией Эркина Кайната)

Дизайн обложки:

“Уйгурская идентичность как психическое заболевание” китайско-австралийского политического карикатуриста, художника и правозащитника Бадюкао, созданная для статьи на ChinaFile.

Норвежский уйгурский комитет

Осло, Норвегия

Веб-сайты: www.igurene.no (на норвежском языке) www.utjd.org (на английском языке)

Электронная почта: info@igurene.no

Содержание

Введение	6
Кто такие уйгуры?	7
Внесудебные/внеправовые лагеря массового интернирования	10
Историческая справка: под властью маньчжурской империи Цин (1759-1911)	10
Под властью Китайской Республики (1911-1949)	11
Колониальная тактика/политика Коммунистического Китая (1949-2000)	12
Репрессии против уйгуров после 11 сентября 2001 г.: “Война с терроризмом размывает уйгурскую идентичность”	20
Маргинализация уйгурского языка: больше не является средством обучения	24
Восстание 5 июля и его последствия	28
Система лагерей: средство государственного террора	34
Патологизация уйгурской религиозности	43
Принудительное разделение семей	44
Принудительный труд уйгуров	45
Политика геноцида китайского режима: принудительная контрацепция, стерилизация и аборты	48
Методология	54
Никто не застрахован: анализ, основанный на данных UTJD	57
Заключение	65
Ссылки	67

БЛАГОДАРНОСТЬ

Данный проект стал возможным благодаря финансированию со стороны Национального фонда демократии (NED). Исследование, содержащееся в данном отчете, не могло бы быть реализовано без консультаций, содействия и технической поддержки ряда лиц. Особую благодарность выражаем доктору Адриану Зенцу за его вклад в анализ данных Uyghur Transitional Justice Database (UTJD).

Дизайн отчета

Адылжан Абдурихим

Руководитель проектов Uyghur Transitional Justice Database (сбор свидетельств и видеопроизводство)

Бахтияр Омер

Дизайн и управление сайтом Uyghur Transitional Justice Database, координатор проектов

Адылжан Абдурихим

Мы также выражаем благодарность всем, кто оказывал консультации и поддержку в процессе реализации данного проекта. Мы признательны свидетельствующим за оказанное нам доверие.

ВВЕДЕНИЕ

Политика ханьской¹ этноцентрической китаизации, проводимая китайским правящим режимом, в последние годы интенсивно внедряется в отношении уйгуров² и других тюркских меньшинств в Восточном Туркестане, регионе в восточной части Центральной Азии, который находится на территории современного Китая. Этот регион также известен под своим китайским названием Синьцзян³ (“Новое владение/новая территория”).

В настоящем отчете будет использоваться референтный термин “Восточный Туркестан” вместо “Синьцзян”, что обосновано тремя основными причинами: 1. Широкое предпочтение данного термина среди уйгуров и других тюркских народов в диаспорных сообществах; 2. Существование двух кратковременных, независимых республик до образования Китайской Народной Республики (КНР): Турецко-Исламская Республика Восточный Туркестан (1933-1934) и Восточно-Туркестанская Республика (1944-1949); 3. Употребление референтного термина “Восточный Туркестан” (с различными написаниями: Eastern Turkestan, Eastern Turkistan, East Turkestan) в записях исторических академических журналов (Prichard 1839, 196; Huttman 1844, 126; Colquhoun 1900, 20537) также принимаются во внимание.

Китайский режим, стремясь сохранить тотальный контроль и добиться беспрекословного подчинения в Восточном Туркестане, активно реализует принудительную этноцентрическую политику китаизации, направленную на уничтожение тюркской идентичности уйгуров (включая язык, культуру и систему верований). Эти целенаправленные ассимиляционные меры оказали значительное влияние на социальные взаимодействия и коллективную психику уйгурского народа как внутри региона, так и за его пределами. В последние годы эти процессы также начали оказывать влияние на жизнь других тюркских и мусульманских народов в Восточном Туркестане.

С 2017 года было опубликовано значительное количество новостных отчетов и растущее число исследовательских работ, документируемых нарушения прав человека, совершаемые и продолжающиеся со стороны Коммунистической партии Китая (КПК) в отношении тюркских народов, а также мусульман хуэй. Среди множеств нарушений прав человека в Восточном Туркестане наиболее заметным за последние несколько лет стало создание внесудебных интернированных лагерей, которые китайский режим завуалированно именуется центрами “перевоспитания” и “профессиональной подготовки”. В следующем разделе будет подробно рассмотрена лагерная система, ее сущность, а также типология лагерей для интернированных.

Настоящий отчет направлен на удовлетворение информационных потребностей растущего сообщества организаций, представителей ООН и государственных структур, а также других заинтересованных лиц, которые стремятся обеспечить ответственность за нарушения прав человека в отношении уйгуров и других тюркских народов в Восточном Туркестане.

¹ В Китае насчитывается 56 официально признанных этнических групп, а этнические ханьцы составляют 92% от общей численности населения.

² Крупнейшая тюркоязычная этническая группа в Восточном Туркестане, состоящая преимущественно из мусульман

³ Полное китайское официальное название было дано в 1955 году: Синьцзян-Уйгурский автономный район

КТО ТАКИЕ УЙГУРЫ?

“Кочевой народ, известный как уйгуры, впервые фиксируется в исторических источниках в шестом веке как одна из групп, занимающих промежуточное положение между династией Тан и империей тюрков, с которыми они имели значительное лексическое и культурное сходство” (Brophy 2016, 23). Важно отметить, что упоминания об уйгурах встречаются уже во втором веке до нашей эры, когда они играли ключевую роль в истории тюрков в Центральной Азии (Czaplicka 1918, 67).

Как и другие тюркские народы (такие как казахи, кыргызы, узбеки и др.), уйгуры являются коренным населением Восточного Туркестана. Хотя к концу девятнадцатого века основная часть уйгурского населения была сосредоточена на юго-западе, Восточный Туркестан в целом “становился родиной уйгуров” (Millward 2007, 152). Уйгуры на протяжении последнего тысячелетия проживали на своей территории и не просто прибыли в Китай; напротив, Китай осуществил экспансию на их земли. Уйгуры существенно отличаются от этнического большинства хань по языковым, культурным и религиозным аспектам: они говорят на тюркском языке (уйгурском), придерживаются уйгурских традиций и образа жизни, которые имеют глубокие связи с соседними тюркскими народами Центральной Азии, и исповедуют ислам. Эти характеристики в совокупности формируют современную уйгурскую идентичность, против которой китайский режим активно применяет репрессивные меры.

Как иллюстрирует приведенная выше карта, Восточный Туркестан географически располагается на северо-западной границе современного Китая, граничит с рядом стран Центральной Азии, а также с Афганистаном, Пакистаном и Индией на западе, Россией на севере и Монголией на северо-востоке. Его протяженность составляет около 2000 километров с запада на восток и примерно 1650 километров с севера на юг, что составляет около 1,7 миллиона квадратных километров (почти в четыре раза превышает

площадь штата Калифорния). Регион расположен настолько удаленно на западе, что отстает от Пекина на два часа, однако функционирует по пекинскому времени, следуя указаниям центрального правительства в Пекине.

В 1947 году уйгурское население составляло более 3-х миллионов человек (Millward 2009a, 275), по данным переписи 1953 года, население составило 3,64 миллиона (Lal 1970, 5), около 6 миллионов в 1982 году (Gladney 1990, 3) и, согласно данным статистического бюро Синьцзян-Уйгурского автономного района (2017), в 2015 году население увеличилось до примерно 12 миллионов.

На протяжении большей части последних двух с половиной веков Восточный Туркестан находился под властью соседних китайских государств на востоке. Этот процесс начался с колониального завоевания уйгуров и других тюркских народов маньчжурской династией Цин в 1759-1760 годах и продолжался в период Республики Китай (1912-1949), переходя в современное однопартийное коммунистическое государство - Китайскую Народную Республику (1949 - настоящее время).

Однако, в этот период времени периодически происходили восстания внутри страны, а также внешние вызовы, исходившие из приграничных районов за пределами Восточного Туркестана, в течение которых Восточный Туркестан несколько раз получал частичную или полную независимость (Millward 2000, 121). Восточный Туркестан стал провинцией маньчжурской империи Цин только в 1884 году, что противоречит настойчивой нарративе (Информационное бюро Госсовета КНР 2003 г., 1) китайского режима: “[Восточный Туркестан] был неотъемлемой частью унитарной многонациональной китайской нации” со времен династии Западная Хань (206 г. до н. э. – 24 г. н. э.). Как отметил Duara (1995, 32): “существовавшая ранее полнота Китая как нации была необходима для легитимности любой националистической риторики”. Далее Bovington (2001, 96) уточняет, что “государство, стремящееся получить легитимность и, таким образом, установить контроль над спорным регионом, имеет все стимулы для формирования истории этого региона, которая помещает его приобретение в далекое прошлое и тем самым естественным образом легитимизирует его включение”.

С 1759 года по 1920-е годы первые два вышеупомянутых правящих режима в различной степени определяли связи уйгуров с соседними тюркскими и исламскими мирами, а уйгурское националистическое движение не сделало значительных успехов до 1930-х годов. Именно тогда уйгурская националистическая мысль привела к формированию современной “уйгурской” идентичности (Thum 2012, 628). Городские интеллектуалы, находившиеся под влиянием западных концепций национализма, начали принимать идеи тюркской идентичности, националистической идентичности, т.е. восточно туркестанской, а также концепцию пан-Тюркизма (Kanat 1986, 117). Как отмечают Millward и Perdue (2004, 27), “национализм связан с людьми, землей и отношениями между ними”. Название “уйгур” имеет значение как в контексте пан-Тюркизма, так и в этно национальном аспекте (Brophy 2016, 4).

Некоторые исследователи утверждают, что этноним “уйгур”, который в течение пяти столетий использовался в значительной степени редко, был заново введен или возрожден в рамках политики “этнизации” национальности, проводимой китайским режимом (см. Gladney 2004, 102). Однако существуют свидетельства, указывающие на то, что использование этнонима “уйгур” могло не исчезнуть или не утратить своей актуальности. В интервью 2013 года уйгурский историк утверждал, что некоторые архивные материалы, в настоящее время подавляемые ханьскими историками, могут продемонстрировать,

что этноним “уйгур” действительно использовался среди образованных слоев населения с XV по XX века (Smith Finley 2018, 740). Для более детального изучения формирования националистической уйгурской идентичности и ее последствий для уйгурского общества рекомендуется ознакомиться с работами Gladney 1990, Bovington 2010, Brophy 2011 и Smith Finley 2018.

В следующем разделе данного доклада будут рассмотрены множество методов, посредством которых китайский режим активно осуществляет китаизацию, стирает и ограничивает выражение уйгурской идентичности.

ВНЕСУДЕБНЫЕ/ВНЕПРАВОВЫЕ ЛАГЕРЯ МАССОВОГО ИНТЕРНИРОВАНИЯ

Для более глубокого анализа и понимания недавнего формирования обширной сети лагерей для интернированных, а также крайних мер, применяемых китайским режимом в целях китаизации и уничтожения уйгурской культуры, включая стерилизацию уйгурских женщин в Восточном Туркестане, необходимо обратиться к историческому контексту и исследовать эволюцию репрессивных политик, осуществляемых правящими структурами на территории Китая, в частности маньчжурской империей Цин, Республикой Китай и Китайской Народной Республикой. Это позволит прояснить, каким образом миллионы уйгуров и другие тюркские меньшинства оказались в интернированных лагерях. На первом этапе будут проанализированы ключевые интеграционные стратегии и тактики маньчжурской империи Цин (1759–1911) и Республики Китай (1911–1949), далее акцент будет сделан на репрессивные интеграционные и ассимиляционные практики Коммунистического Китая (1949 – по настоящее время).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА: ПОД ВЛАСТЬЮ МАНЬЧЖУРСКОЙ ИМПЕРИИ ЦИН (1759-1911)

Сразу после завоевания Восточного Туркестана имперская политика Цин, согласно исследованиям Кларка (Clarke 2007, 266), не предусматривала территориальной интеграции и ассимиляции населения. Другими словами, территория и народы Восточного Туркестана “остались отличными от восемнадцати провинций Китая⁴”, и культурные границы также сохранялись (там же, 265). Этот умеренный подход к Восточному Туркестану оказался недолговечным, и в первые десятилетия девятнадцатого века стал заметен переход к более интеграционному подходу, что способствовало установлению более тесных связей с остальной частью империи Цин (там же, 266). В начале 1830-х годов политика Цин официально одобрила и поощрила миграцию этнических китайцев в Алтышар (т.е. на юг Восточного Туркестана), что сопровождалось созданием сельскохозяйственных колоний (Borei 2002, 289–90).

С конца 1840-х годов до 1864 года власть маньчжурской империи Цин в Восточном Туркестане постоянно подвергалась вызовам и оспаривалась как внешними силами, так и внутренними восстаниями, что привело к утрате контроля над регионом в 1864 году. Только в 1877 году империя Цин вновь завоевала Восточный Туркестан (Clarke 2007, 267-68). Это повторное завоевание стало значимым поворотным моментом в интеграционной политике Цин, которая переключилась на стратегию ассимиляции и

⁴ Термин, относящийся к центральному региону Китая, за исключением Маньчжурии, Монголии, Восточного Туркестана (Синьцзяна) и Тибета.

обеспечения контроля над приграничным регионом Восточного Туркестана. Данная политика продолжает действовать до настоящего времени и особенно проявила себя в последние несколько лет.

После установления провинциального статуса Восточного Туркестана в 1884 году маньчжурская империя Цин внедрила ряд явных мер по китаизации. Местные географические названия были китаизированы, такие как Шаньшань вместо Пиджан, Лунтай вместо Югур и Шачэ вместо Яркенда; также была стимулирована миграция ханьских китайцев; восстанавливались ранее заброшенные сельскохозяйственные земли; назначались ханьские чиновники для осуществления более строгого административного контроля в регионе; кроме того, администрация Цин подвергала тюркские народы культурной ассимиляции через конфуцианское образование (Millward 1999, 87; Clarke 2007, 268). Эти изменения продолжают оказывать значительное влияние и в настоящее время, что будет детально проанализировано в следующем разделе, посвященном интеграционным мерам Коммунистической партии Китая.

ПОД ВЛАСТЬЮ КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1911-1949)

В республиканский период (1911-1949) Восточный Туркестан находился в состоянии “полу-независимости”, однако в пограничном регионе сохранялась преемственность стратегий и интеграционных политик династии Цин, осуществляемых китайскими военачальниками Ян Цзэнсином, Цзинь Шурэном и Шэн Шицаем (Clarke 2007, 269-70). С 1912 по 1928 год Ян осуществлял верховную власть в Восточном Туркестане и пользовался своей автократией в условиях фактической дисфункции центрального китайского правительства. Он активно подавлял пограничный регион, прибегая к цензуре прессы, ограничивая поток публикаций на тюркских языках в регион и внутри него (особенно касающихся революционных уйгуров), проводя расследования в отношении студентов, обучавшихся за границей, депортируя граждан Турции и Советского Союза, которых считал угрозой политической стабильности, а также арестовывая либеральных активистов и сторонников либерализма (Millward & Tursun 2004, 68-69). Все вышеперечисленные репрессивные меры данного периода имеют сходство с современными практиками китайских коммунистов в Восточном Туркестане.

Цзинь Шурэн находился у власти с 1928 по 1932 год и проявлял не меньшую автократию по сравнению со своим предшественником Яном Цзэнсином. Он осуществлял политику китаизации по отношению к не-ханьскому населению Восточного Туркестана: ввел налог на убой скота, запретил мусульманское паломничество в Мекку, лишил местных чиновников их полномочий и назначил на эти посты чиновников ханьского происхождения (там же, 71). Кроме того, он конфисковал уйгурские сельскохозяйственные земли в районе Кума (на китайском — “Хами”) и передал их ханьским беженцам из провинции Ганьсу (там же, 74).

В период правления Шэн Шицая (1933-1943) наблюдалась определенная степень культурной автономии, которая позволила функционировать как светским тюркоязычным, так и исламским учебным заведениям, а также способствовала созданию тюркоязычных газет и основанию Уйгурского прогрессивного союза

(Rudelson, 1992, 98). Шэн находился под сильным влиянием сталинских национальных политик, целью которых было создание “межэтнической конкуренции”, углубление разделений среди тюркоязычных народов и подавление коллективной идентичности за пределами этнической принадлежности, то есть тюркской или мусульманской (Millward & Tursun 2004, 80). Он даже назначил на важные должности в своем правительстве Ходжу Нияза и Йолбарса Хана, первый из которых был президентом Турецкой Исламской Республики Восточного Туркестана 1933 года, а второй — лидером Кумульского восстания 1931 года (Clarke 2007, 271). Однако впоследствии Шэн произвел чистку, в ходе которой был устранен Ходжа Нияз вместе с другими тюркскими лидерами и интеллектуалами, которые ранее способствовали консолидации и укреплению его власти (Millward & Tursun 2004, 81).

Китайское националистическое правительство (Гоминьдан, далее ГМД) установило контроль над Восточным Туркестаном в сентябре 1944 года, свергнув Шэн Шицая. Интеграционные стратегии ГМД в отношении Восточного Туркестана в значительной степени совпадали с политикой поздней династии Цин и включали планы по дальнейшей колонизации региона путем отправки до миллиона ханьцев, замены всех тюркских лидеров на чиновников ханьского происхождения и введения более высоких налогов. Однако эти колониальные стратегии не были полностью реализованы (там же, 81-82).

С целью обеспечения легитимности своего правления Гоминьдан (ГМД) поддерживала концепцию о том, что коренные не-ханьские народы Восточного Туркестана изначально являются расово китайскими, отрицая существование таких этнических групп, как уйгуры, казахи и кыргызы (там же, 82). Деятельность ГМД и его взаимодействие со Второй Восточно-Туркестанской Республикой (1944-1949) продемонстрировало, что правительство в целом сохраняло преемственность как в целях, так и в интеграционных стратегиях, характерных для периодов династии Цин и Республиканского времени. Эти стратегии впоследствии были без труда перенесены в Китайскую Народную Республику (КНР) и реализовывались с большой решимостью (Clarke, 2007, 277-278).

КОЛОНИАЛЬНАЯ ТАКТИКА/ПОЛИТИКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО КИТАЯ (1949 - 2000)

Образование Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 г. ознаменовало начало новой эры угнетения Восточного Туркестана, а также Тибета и остальной части Китая.

Установив свою власть в Восточном Туркестане, Коммунистическая партия Китая (КПК) осуществила широкомасштабную программу переселения ханьцев в Восточный Туркестан, что привело к быстрым демографическим изменениям в отношении не-ханьского и ханьского населения. В 1949 г. общая численность населения Восточного Туркестана составляла примерно 4,2 млн. человек, но к концу 1979 г. ханьцы составляли примерно половину от общей численности населения в 11 млн. человек (McMillen 1981, 66). В другой статистической перспективе: “Между 1940 и 1982 гг. доля ханьцев в населении [Восточного Туркестана] увеличилась на целых 2500%, ... в то время как уйгурское население придерживалось более естественных темпов биологического роста в 1,7%” (Gladney 2004, 112-113).

Консолидация власти КПК в Восточном Туркестане завершилась формальным созданием в 1954 году Производственно-строительного корпуса (ПСК, 兵团, *bingtuan*), который состоял в основном из демобилизованных солдат Народно-освободительной армии (НОАК) Китая. Войска Республики Восточный Туркестан, состоящие преимущественно из уйгуров и казахов, также известные как Илийская национальная армия, были включены в состав НОАК, и многие из них были демобилизованы и передислоцированы в сеть военизированных ферм (предшественник ПСК), над которыми КПК имела полный контроль (McMillen 1981, 68). Согласно Клиффу (Cliff 2020, 3), КПК была создана как “военно-сельскохозяйственная колония” и была главной движущей силой миграции хань и трансформации культурного ландшафта в Восточном Туркестане. До настоящего времени КПК продолжает вербовать все больше ханьцев из внутренних районов Китая в Восточный Туркестан и заманивать их социальными благами, которыми в значительной степени не пользуются уйгуры и другие тюркские народы⁵.

Спонсируемая государством миграция ханьцев в Восточный Туркестан, политика, которая присутствовала в Цяньлун и более поздний цинский периоды, была и остается одной из самых эффективных политик Коммунистической партии Китая, создав стойкий ханьский электорат, который рассматривается партией как надежная сила стабильности в Восточном Туркестане. Это обоснование, хотя и присутствует в некоторых докладах о внутреннем распространении, и признано местными партийными чиновниками, никогда не было официальным обоснованием для поощрения массовой миграции ханьцев, в то время как потребность в рабочей силе для развития была официальным обоснованием партии, представленным общественности (Bovingdon 2010, 54).

В 21-м веке КПК превратилась в корпорацию, позволяющую ей добиваться все более прямого контроля над Восточным Туркестаном (Cliff 2009, 102). Более того, сегодняшняя КПК “сохраняет лишь отдаленную связь с [Народно-освободительной армией]” (там же, 101). КПК по своей сути продолжает увековечивать оккупационно-колонизаторскую функцию (Cliff 2009).

Yi (2019, 54) утверждает, что коренная причина продолжающегося преследования миллионов уйгуров и других тюркских мусульман в Восточном Туркестане может быть отнесена к “китайскому поселенческому колониализму”, который разворачивается через Производственно-строительный корпус (ПСК) и миграцию этнических ханьцев в регион.

Центральное правительство в Пекине предоставило Восточному Туркестану статус “автономии” в 1955 году, что отражено в его официальном китайском названии: 新疆维吾尔自治区 (Синьцзян-Уйгурский автономный район). Тем не менее, деятельность агентства независимых действий по внутренним делам в Восточном Туркестане была обречена на провал, поскольку Коммунистическая партия Китая (КПК) никогда не собиралась предоставлять подлинную автономию Восточному Туркестану. Лидеры Коммунистической партии расценивали уйгуров как группу, представляющую “политическую угрозу”, что способствовало минимизации их властных полномочий (Bovingdon 2010, 47).

⁵ Типичное объявление о наборе персонала ПСС на китайском языке, опубликованное в феврале 2020 г.: <https://mp.weixin.qq.com/s/PaBVrHjiMUtev7OzSh7O3Q>, если удалено, см. <https://web.archive.org/web/20200426130614/https://mp.weixin.qq.com/s/PaBVrHjiMUtev7OzSh7O3Q>

Собственно говоря, уже весной 1953 г. создавались более мелкие региональные автономные округа и уезды. “Разделение [Восточного Туркестана] на ряд более мелких автономий было гениальным административным ходом” (там же, 44). Эта интеграционная политика Коммунистической партии Китая (КПК) продвигала и выдвигала на первый план идею о том, что Восточный Туркестан является домом для тринадцати этнических групп: “...уравновешивая подавляющий политический и демографический вес уйгуров” (там же, 45). Кроме того, партия хотела дистанцироваться от ассимиляционной политики Китайской националистической партии (ГМД) и противодействовать сепаратистским настроениям в некоторых ключевых приграничных регионах (Millward 2007, 243).

В данной политике наблюдается значительный дисбаланс в распределении власти, особенно в субавтономных областях, где титульная этническая группа имеет непропорционально высокое представительство. В частности, в пятнадцати из двадцати семи субавтономных округов титульная этническая группа составляет менее половины населения (Bovingdon 2010, 46). Это создает неравное распределение власти между уйгурами и другими этническими группами⁶. Например, “в 2004 году около 48 000 монголов номинально пользовались автономией в регионе, где проживало более 370 000 уйгуров (и, в связи с устойчивой иммиграцией, более 660 000 ханьцев)” (там же).

Что касается уйгурского языка, то коммунистический режим оказал значительное влияние на его письменность. В 1956 году, следуя примеру Советского Союза, китайское руководство ввело кириллицу для уйгурского языка, несмотря на то, что у уйгуров уже была арабская письменность. Эта мера, в значительной степени, была направлена на ослабление исламских связей уйгуров. В 1960 году, после ухудшения советско-китайских отношений, кириллица была заменена латинским алфавитом с несколькими специальными буквами, что можно рассматривать как “пиньиньзацию”⁷, а не латинизацию уйгурского языка (Millward 2007, 236). Одной из целей этой реформы было содействие “слиянию и ассимиляции” меньшинств, что позволило бы легче вводить китайскую лексику в тюркские языки (там же). Важно также отметить, что во время Культурной революции языки меньшинств не преподавались более десяти лет (Dwyer 2005, 36), к примеру, уйгурский язык не преподавался в Кашгаре (Jarring 1986, 157).

В 1984 году, в период относительно мягкой политики меньшинств, китайские власти восстановили слегка измененную арабскую письменность для уйгурского языка. Эти реформы письменности в КНР можно рассматривать как индикаторы общей ситуации в Восточном Туркестане, где каждое изменение в письменности отражает превратность политики КНР по отношению к тюркским народам в Восточном Туркестане (Millward 2007, 237).

Культурная революция (1957-1978 гг.) ознаменовала собой резкие изменения в политике Китая, а также в Восточном Туркестане, что вызвало хаос в социальной и культурной сферах. В Восточном Туркестане

⁶ В Восточном Туркестане официально признаны 13 этнических групп: ханьцы, уйгуры, хуэй, казахи, узбеки, таджики, кыргызы, монголы, татары, русские, солонцы, сибо и маньчжуры.

⁷ Это не соответствует международным стандартам романизации тюркских языков; например, буква *x* должна была обозначать увулярный фриктивный звук «kh», но она была пиньинизирована для обозначения звука «sh».

наблюдался всплеск культурной нетерпимости внутри Коммунистической партии Китая, распространяющейся вовне на различные этнические тюркские группы, где различия между тюркскими народами и большинством ханьцев считались девиантными, поэтому проект культурной гомогенизации получил дополнительный импульс с целью достижения ассимиляции. Стоит отметить, что Восточный Туркестан понес больший ущерб в своей экономике, чем другие части Китая во время Культурной революции (Millward & Tursun 2004, 96).

После раскола в китайско-советских отношениях в конце 1950-х годов КПК провела чистку многих не-ханьских политических элит в Восточном Туркестане, большинство из которых оказались в трудовых лагерях для реформаторов мышления (Millward & Tursun 2004, 93). Мы можем провести параллели между реформаторскими трудовыми лагерями и сегодняшними лагерями для интернированных в Восточном Туркестане, где официальный девиз последних переключается с девизом первых: “трансформация через образование” (教育转化). За десятилетие после 1965 г. представленность уйгуров в правительстве резко сократилась примерно на 25%, а в 1969 г. представленность в региональном правительстве вовсе отсутствовала (там же, 97).

Поддерживаемая “левой” культурной программой, нетерпимость и активные атаки на не-китайскую культуру были распространены в столичном регионе, а также в некоторых небольших городах и деревнях, где проживало большинство уйгуров. “Различие ... стало признаком отсталости” (Bovingdon 2010, 51). Например, некоторые неофициальные источники утверждают, что имели место случаи сожжения Корана и других священных текстов, религиозные старейшины подвергались унижению на улицах, некоторые значимые исламские объекты закрывались или осквернялись, свиньи намеренно содержались в мечетях, длинные волосы уйгурских девушек подстригались коротко, а традиционная одежда была запрещена (Millward & Tursun 2004, 97). Приспешники Мао, или красные гвардейцы, заставляли многих мусульман разводить свиней с целью достижения “быстрой и полной ассимиляции” (Bovingdon 2010, 52). Эта компания культурного конформизма Коммунистической партии Китая оказывала наибольшее влияние на уйгуров и другие не-ханьские народы во время культурной революции, представляя собой не только нападение на их социальную сферу, но и на их идентичность.

Неудивительно, что большое количество этнически тюркских народов в Восточном Туркестане, как и в других частях Китая, испытывало негодование по поводу разгула Маоистской Культурной революции, что оттолкнуло значительную часть населения и вынудило Коммунистическую партию Китая пересмотреть свою интеграционную политику после ее завершения. Некоторые изменения были отражены в реформах Дэн Сяопина (1978-1988 гг.), которые создали давно назревшую временную передышку как для экономики, так и для этнических культурных практик. Временное ослабление контроля над этническими традициями, в действительности, было экономически обосновано и способствовало развитию туризма в Восточном Туркестане и других регионах национальных меньшинств по всему Китаю. Различным этническим группам было разрешено практиковать свои культурные традиции, что, в свою очередь, способствовало развитию туристической индустрии (Gladney 2004, 110). В этот период также были сняты ограничения на исповедание ислама: мечети вновь открылись, а поездки в другие исламские страны стали возможны.

1980-е годы были отнюдь не мирным периодом в Восточном Туркестане. Наблюдались признаки социального недовольства, сопровождающегося этническими и межэтническими конфликтами. Проходили студенческие демонстрации, на которых требовали “свободы”, “демократии” и “равенства между национальностями”⁸. Их лозунги также затрагивали вопросы ядерных испытаний в Лоп-Нор (озабоченность по поводу здоровья местного тюркского населения), притока ханьцев в Восточный Туркестан и политики контроля рождаемости (планирования семьи), направленной на меньшинства. Алексис-Мартин (2019, 152-53) в своей работе утверждает, что “колонизация уйгурских земель и их использование КНР для ядерных испытаний представляют собой форму ядерного империализма, которая рассматривает жизнь уйгуров как ничтожную”. Что касается ограничения роста населения, то уйгуры и другие не-ханьские меньшинства изначально были освобождены от политики контроля рождаемости КПК, введенной в начале 1980-х годов, однако постепенно эта политика начала распространяться и на них, начиная с 1987 года с уйгурских партийных чиновников, а затем применялась ко всему населению меньшинств в течение нескольких лет (Bovingdon 2010, 58-59).

“Эти проблемы отражают не религиозные заботы как таковые, а скорее обеспокоенность по поводу обращения с уйгурами и их выживания как нации” (Millward 2007, 282). Кроме того, Милвард (там же, 281) сообщает, что “движения за права или независимость в двадцатом веке в [Восточном Туркестане] не укладываются в общепринятое представление о ‘исламском джихаде’”.

Период с 1991 по 2005 год стал свидетелем возобновления оппозиции этнических меньшинств к китайскому режиму в Восточном Туркестане, что сопровождалось привычной реакцией Коммунистической партии: “открытым подавлением, кооптацией, миграцией ханьцев и экономическим развитием” (Clarke 2007, 283).

Демонстрации, беспорядки и отдельные инциденты с применением насилия продолжались и в 1990-х годах в Восточном Туркестане. Два ключевых события в начале 1990-х годов привели к изменению политики Коммунистической партии Китая в отношении меньшинств, сделав её менее терпимой по сравнению с предыдущей политикой 1980-х годов. Эти события включали восстание в Барене⁹ в апреле 1990 года и распад Советского Союза в 1991 году. Оба события получили широкую народную поддержку, а одним из мотивов восстания была политика контроля рождаемости КПК, направленная против уйгуров и других семей меньшинств (Millward 2007, 327). Кроме того, существовали и другие способствующие факторы, такие как ядерные испытания и экспорт ресурсов в другие части Китая. Распад Советского Союза стал для Коммунистической партии одновременно шоком и экономической возможностью.

Бывшие советские республики, такие как Казахстан и Узбекистан, чьи народы исторически и

⁸ В конце 1980-х годов в университетских городках по всему Китаю прокатилась волна продемократического движения.

⁹ Поселок городского типа в Актинском уезде, расположенный примерно в 58 км к югу от Кашгара, Восточный Туркестан.

лингвистически тесно связаны с тюркскими народами Восточного Туркестана, обрели независимость после распада Советского Союза. Эта недавно обретенная независимость от имперской власти заставляла Коммунистическую партию беспокоиться, поскольку Восточный Туркестан мог двигаться к независимости от своей имперской власти, то есть Китая.

Религиозная деятельность в очередной раз была ограничена, тщательно проверялась, а в некоторых случаях и запрещалась китайским режимом. Имамы должны были получить одобрение государства, только те, кто считался патриотом и политически связанным с КПК, могли сохранить свои должности, и эта практика продолжается до сих пор в Восточном Туркестане. Медресе были закрыты, а все частные занятия по изучению религии были запрещены и обозначены как незаконная религиозная деятельность (Bovingdon 2010, 67). В 1991 году 10% из примерно 25000 исламских священнослужителей не смогли сохранить свои должности после проверки, проведенной коммунистическими чиновниками (Harris 1993: 120-21, цит. Bovingdon 2010, 66). Строительство многих мечетей было остановлено, а многие существующие мечети в то время были закрыты, поскольку репрессии против ислама продолжались. Несмотря на то, что свобода веры закреплена конституцией, партийные кадры и студенты продолжают невольно отказываться от своего права на веру.

В период 1991-1995 гг. КПК вновь утвердила свои ключевые элементы интеграционной политики, например, продолжая поддерживать и поощрять ханьскую миграцию, а также приняв стратегию экономического развития, целью которой было дальнейшее включение Восточного Туркестана в состав Китая, и одновременное установление связей с другими государствами Центральной Азии через торговлю (Clarke 2007, 283; Millward 2007, 289).

В 1995 и 1996 годах в Восточном Туркестане произошло значительное количество социальных беспорядков и протестов, после которых последовала трехкратная политическая реакция: (i) 19 марта 1996 года был выпущен внутренний документ КПК¹⁰, в котором содержалось предупреждение и ужесточение мер по контролю различных этнических и религиозных активностей, а также “иностранных сил” (например, иностранных сепаратистских организаций); (ii) 26 апреля 1996 года был заключен двусторонний договор о безопасности, подписанный Китаем, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Россией¹¹; (iii) была провозглашена первая кампания “Ударить сильно” (严打 yándǎ), направленная на подавление преступности и «сепаратизма и незаконной религиозной деятельности». Целью этой кампании было не общее подавление преступности, а именно подавление неофициальных политических организаций и религии, нацеленное на политически активных сепаратистов в Восточном Туркестане, Тибете и Внутренней Монголии, при этом сепаратизм связывался с “незаконной религиозной деятельностью” (Dillon 2019, 58-59). По оценкам, ежегодно в Восточном Туркестане полиция задерживает тысячи людей за «незаконную религиозную деятельность», согласно местным СМИ, которые тщательно

¹⁰ Документ ЦК КПК № 7, опубликованный в английском переводе Комитетом по борьбе с коммунистической пропагандой Китая (CACCP), <https://caccp.freedomsherald.org/conf/doc7.html>.

¹¹ Известный с тех пор, как Евразийский политический и экономический альянс и альянс в области безопасности, ныне – как Шанхайская организация сотрудничества, расширился, включив в себя Узбекистан, Индию и Пакистан.

мониторятся Human Rights Watch, в то время как официальная статистика редко публикуется (HRW 2005, 6). Тактики, с помощью которых китайский режим стремится установить полный контроль над системой убеждений уйгуров, носят карательный характер, что является шагом за пределы подавления; они, по сути, направлены на переосмысление религиозной идентичности уйгуров, чтобы она гармонично вписывалась в государственный нарратив (там же, 7).

Коммунистическая партия Китая ставила перед собой несколько целей в рамках своей второй ответной реакции, в том числе подавление политической диссидентской активности уйгуров в государствах Центральной Азии, и ей это удалось. Казахстан и Кыргызстан начали экстрадировать уйгурских подозреваемых в Китай по запросу Пекина, оставив действующими только уйгурские культурные организации в рамках законодательства под государственным контролем, при этом запрещая все остальные уйгурские политические организации (Millward 2007, 337). Стоит подчеркнуть, что некоторые из этих разыскиваемых уйгурских подозреваемых были казнены по возвращении в Китай (Becquelin 2004a, 41). Последняя упомянутая ответная реакция, кампания “ударить сильно” в 1996 году, привела к нескольким тысячам арестов в Восточном Туркестане, не из-за внезапного роста преступности, а именно из-за этой кампании, поскольку существовал “политический интерес к скорости и количеству арестов и осуждений” (Millward 2007, 331).

В феврале 1997 г. в городе Кульджа на севере Восточного Туркестана при народной поддержке вспыхнуло второе крупное восстание, широко известное как восстание Кульджа и резня уйгуров (см. Millward 2007, 331-334; Dillon 2019, 67-70). Это восстание стало еще одним серьезным вызовом китайскому правлению после восстания Барена в 1990 году. “[Это] явно было результатом цепи событий, которые начались гораздо раньше и были симптомами как репрессивных методов правительства, так и раздраженной реакции уйгуров” (Bovingdon 2010, 125). “Репрессии в масштабах всего региона, последовавшие за событиями февраля 1997 г., стали почти постоянной чертой жизни по всему [Восточному Туркестану]” (Millward 2007, 334).

В период с 1980 по 1997 гг. было много протестов и демонстраций, вызванных недовольством и несправедливостью среди уйгуров против китайского правления в Восточном Туркестане, в ходе которых китайский режим лишь четыре раза уступал вопросам, поднятым в ходе протестов (см. Bovingdon 2010: 128-29). Во всех остальных задокументированных случаях реакция режима была либо оглушительной, либо негативно подавляющей. Вместо того, чтобы прислушиваться к общественному протесту и соответствующим образом менять свою политику, КПК часто отвечала более интенсивной репрессивной и интеграционной политикой (например, все более ограничивая религиозную деятельность) в Восточном Туркестане (см. Bovingdon 2010, 129). Уйгуры не имеют права публично выражать свое недовольство, если они это сделают, их ждет суровое наказание со стороны режима. На самом деле, режим “приравнивает любое выражение недовольства (*buman qingxi*), даже метафорическое или ироническое, к сепаратистским идеям (*fenlie sixiang*)” (Becquelin 2004a, 44).

Период с 1996 по 2004 год ознаменовался как минимум одной масштабной политической кампанией¹² в год, каждая из которых приводила к сотням арестов, судебные процессы при этом проходили спешно, что в свою очередь перерастало в ускоренные осуждения на основе принципа “двух основ” КПК: “основная истина” и “основные доказательства” (там же, 41).

В последующие восемь лет, начиная с 1997 г., в Восточном Туркестане не было ни массовых социальных волнений, ни масштабных демонстраций. Несмотря на относительно затишье, руководство Коммунистической партии не могло игнорировать серьезность конфликтов, разразившихся в течение последнего десятилетия XX века. Единственным жизнеспособным решением/политикой, которую могла поддержать КПК, было экономическое развитие Восточного Туркестана. Великое развитие западных регионов (西部大开发 xībù dà kāifā) как политика первоначально возникла в 1999 году и была реализована в марте 2000 г. К таким западным регионам относятся Восточный Туркестан, Тибет, Внутренняя Монголия, а также другие провинции, которые географически расположены на западе Китая.

Программа “Развивай Запад” — то, что Беккелен (Becquelin 2004b) называет “поэтапным развитием” — предполагает передачу оставшихся ресурсов развития из прибрежных провинций Китая в его западные регионы и провинции. Хотя эта экономически ориентированная программа развития КПК на поверхностном уровне кажется разумной (т.е. борьба с бедностью), поднимаемые ею вопросы вызывают обеспокоенность. Этот амбициозный проект предполагает значительный трансфер ресурсов, включая трудовые ресурсы, что вызывает опасения по поводу дальнейшего размывания этнического состава в районах меньшинств в результате масштабной программы переселения ханьцев (Dillon 2019, 75).

Приток ханьской миграции в Восточный Туркестан продолжается с момента основания КНР. Население ханьцев в Восточном Туркестане выросло на удивительные 31,6% в период с 1990 по 2000 год, что почти в два раза превышает темпы роста не-ханьских групп (Bovingdon 2010, 57). “Многие аналитики пришли к выводу, что официально поддерживаемая миграция ханьцев является основным инструментом политики Китая по ассимиляции пограничных регионов” (Gladney 2004, 112).

Собственно говоря, Ли Дэчжу (2000, цит. по Becquelin 2004b: 373-374), глава Государственной комиссии по делам национальностей КНР, прямо заявил в своих работах, что правительство активно участвует в миграции ханьцев в районы проживания этнических меньшинств с целью укрепления национального единства, политику, которую он назвал “гомогенизацией” (凝聚化 níngjùhuà). “Эта скрытая повестка дня усугубила конфликт между ханьцами и не-ханьцами и не привела к той стабильности, которую она должна была создать” (Dillon 2019, 81). Режим правительства Китая практикует политику предпочтения в отношении ханьских мигрантов, привлекая их государственными субсидиями и привлекательной политикой переселения в Восточный Туркестан, что вызывает еще большее недовольство среди уйгурского населения. Например, выпускникам колледжей из Китая предлагаются субсидии за иммиграцию в Восточный Туркестан, а высшие партийные чиновники осуществляют вербовочные поездки (Bovingdon

¹² Хронологический список этих кампаний - см.: Becquelin 2004a, 41.

2010, 57).

Политика Коммунистической партии предполагает, что если экономическое развитие Восточного Туркестана достигнет уровня прибрежных провинций Восточного Китая, то межэтническая напряженность и этнический сепаратизм исчезнут или, по крайней мере, станут менее значительными благодаря развитой экономике. Однако китайская политика “Развивай Запад” не затрагивает “культурную и этническую надстройку” (Dillon 2019, 88).

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ УЙГУРОВ ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г.: «ВОЙНА С ТЕРРОРОМ» РАЗМЫВАЕТ УЙГУРСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

11 сентября 2001 года мир стал свидетелем наиболее разрушительных террористических атак в истории США. Несмотря на то, что с того времени прошло много лет, их последствия по-прежнему остро ощущаются во всем мире. Эти события стали поворотным моментом, который продолжает оказывать влияние как на внутреннюю, так и на международную политику в различных регионах мира. Атаки 11 сентября, а также последующие террористические акты в Европе и Индонезии, связанные с политическим исламом, способствовали формированию глобального нарратива, в котором ислам ассоциируется с терроризмом. В результате мусульмане стали целевой группой, подвергающейся растущим негативным настроениям и дискриминации.

В ответ на эти атаки администрация Джорджа Буша объявила о начале “войны с терроризмом”. В течение нескольких месяцев после событий 11 сентября Китай официально выпустил документ под названием “Террористическая деятельность, совершенная организациями Восточного Туркестана и их связи с Усамой бен Ладеном и талибами”. В этом документе утверждалось, что существует сложная сеть уйгурских террористических организаций, представляющих угрозу не только для Китая, но и для глобальной безопасности. 21 января 2002 года был опубликован еще один документ — “Террористические силы Восточного Туркестана не могут уйти безнаказанно”, в котором утверждалось, что практически вся предыдущая уйгурская оппозиция в Синьцзяне причастна к террористической деятельности и имеет связи с глобальными террористическими сетями. В этом документе также обвинялись практически все уйгурские правозащитные и самоуправляющиеся группы в том, что они якобы финансируются непосредственно Усамой бен Ладеном и “Аль-Каидой” (Roberts 2018, 232).

Сразу после терактов 11 сентября 2001 года произошел значительный сдвиг в официальном дискурсе Коммунистической партии Китая (КПК) относительно уйгурской оппозиции. Ранее этническое недовольство в Восточном Туркестане скрывалось, тогда как после терактов началась явная ассоциация уйгурской оппозиции с терроризмом (Весquelin 2004a, 39). Термины “Восточный Туркестан” и “терроризм” ранее использовались редко в официальных документах КПК (Millward 2007, 339). Этот сдвиг размыл грань между инакомыслием и исламом. Например, восстание в Барене в 1990 году, протест в Хотане в 1995 году и демонстрация в Кульдже в 1997 году, которые ранее рассматривались как проявления “раскола”, позже были переименованы в “терроризм” в статье 2004 года (Zhu Jun 2004, цит. Bovingdon

2010, 120). Тем не менее, не было представлено доказательств существования активных уйгурских террористических группировок ни внутри Китая, ни за его пределами. Большинство событий уйгурской оппозиции в 1990-х годах, такие как демонстрации, начинались как мирные протесты и перерастали в насилие лишь после вмешательства полиции, использовавшей репрессивные методы. Такие действия вряд ли можно считать терроризмом, независимо от того, как определяется этот термин (Roberts 2018, 233). Иными словами, в начале 2000-х годов в Восточном Туркестане не существовало реальной террористической угрозы (там же, 240). Более того, это было относительно мирное время в регионе, когда китайское руководство выдвинуло вышеупомянутые обвинения.

Китайский режим настойчиво публиковал документы, обвиняющие предполагаемую уйгурскую террористическую сеть в том, что она представляет угрозу безопасности как Китая, так и всего мира. В сентябре 2002 года как США, так и ООН официально признали малоизвестную уйгурскую группировку “Исламское движение Восточного Туркестана” (ИДВТ) террористической организацией, что привело к международным санкциям против нее. Это официальное признание предоставило Китаю легитимность для внедрения различных контртеррористических мер, способствующих дальнейшему подавлению уйгурского народа в Восточном Туркестане. Важно отметить, что после 2001 года не существовало достоверных источников информации о деятельности ИДВТ, которые бы подтверждали её потенциал и опорную базу (Roberts 2012, 19). Другими словами, у ИДВТ было мало возможностей для организации террористических атак против Китая в контексте событий 11 сентября.

Некоторые доказательства существования ИДВТ стали появляться только в 2006 году. В 2008 году в Вазиристане была сформирована новая группировка, состоящая из нескольких уйгуров, — Исламская партия Туркестана (ИПТ). Однако после 2013 года группировка значительно увеличилась в Сирии, поскольку многие уйгуры, спасаясь от репрессий в Восточном Туркестане и чувствуя угрозу своей уйгурской идентичности со стороны китайского режима, стали уязвимой мишенью для вербовки боевиков (Roberts 2020; Roberts 2018, 252). На момент написания не было никаких доказательств насильственных нападений, совершенных ИДВТ в Восточном Туркестане или в других частях Китая (Roberts 2020). Тем не менее, группа сняла ряд видеороликов, некоторые из которых явно угрожали летним Олимпийским играм 2008 года в Пекине, что предоставило китайскому правительству основание для продолжения контртеррористических мер против уйгурского инакомыслия (Roberts 2018, 241; Roberts 2020).

В ответ на предполагаемую угрозу со стороны уйгурских террористов китайский режим в декабре 2001 года внес поправки в свой уголовно-правовой кодекс, добавив к существующей категории “Угроза общественной безопасности” новую категорию — “террористические преступления”, предусматривающую более суровые наказания. Amnesty International (2002, 4-5) отметила, что новые преступления были определены расплывчато, что ставит под сомнение справедливость судебного преследования. Эти поправки, как и многие другие китайские законы¹³, стремятся к максимальной неопределенности, что позволяет использовать их в качестве всеобъемлющей меры для превентивного

¹³ Всеобъемлющая формулировка содержится в спорном Законе о национальной безопасности (например, статья 38), введенном в Гонконге 30 июня 2020 года, детали которого не были раскрыты общественности до его принятия в Пекине.

заклучения людей в тюрьму до совершения каких-либо преступлений. Это создало основу для будущей “крайне субъективной и продолжающейся охоты на террористов” в Восточном Туркестане (Roberts 2018, 238). “Глобальная война с терроризмом” продемонстрировала четкую дихотомию между глобальным терроризмом и исламским экстремизмом, что стало стимулом и оправданием для продолжающегося преследования уйгуров в Китае. В рамках этой концепции китайский режим приравнивает несанкционированную религиозную деятельность к “экстремизму”. С тех пор Пекин продолжает использовать этот новый риторический арсенал для подавления уйгуров в Восточном Туркестане.

Следует отметить, что ислам является лишь одним из нескольких факторов уйгурской идентичности, и его роль может варьироваться в зависимости от обстоятельств, в которых находятся уйгуры. Исходя из этого, можно предположить, что поддержка исламской фундаменталистской группы среди уйгуров будет ограниченной (Gladney 2004, 109). Наиболее очевидным и мощным объединяющим маркером уйгурской идентичности является их совместная борьба и страдания под правлением КНР, обусловленные коллективной ассимиляционной и интеграционной политикой КПК.

16 июля 2001 года в Положение об управлении религиозными делами были внесены изменения. Например, в статье 1 слова “защита нормальной религиозной деятельности” были заменены на “регулирование религиозной деятельности в соответствии с законом” и “руководство религией для адаптации к социалистическому обществу”. Требования, ранее предъявляемые к духовенству в статье 8 Регламента 1994 года, были распространены на “всех граждан, исповедующих религию”: лояльность государству стала приоритетом, а осуществление религиозных обрядов теперь “обусловлено поддержкой правительства и партийных лидеров” (HRW 2005, 37).

С октября 2001 года репрессии против различных религиозных деятелей значительно усилились. В начале ноября того же года в городе Кашгаре было закрыто 13 “нелегальных” религиозных центров, и арестовано более 50 верующих. Также было произведено множество арестов по обвинениям, связанным с “терроризмом”, и многие из задержанных, по предположениям, были приговорены к смертной казни (Amnesty International 2002, 20-27). Кроме того, на всей территории Восточного Туркестана были введены ограничения на проведение религиозных обрядов и доступ к несанкционированной информации. В рамках этой общерегиональной кампании в течение двух месяцев, начиная с сентября 2001 года, в Урумчи было арестовано около 150 человек за участие в “незаконной” религиозной деятельности и “терроризме”. Также поступали сообщения об арестах в других частях Восточного Туркестана (там же, 15).

Официальные ограничения и подавление религиозных прав и деятельности распространились на весь Восточный Туркестан, затронув многие аспекты повседневной жизни уйгуров. Режим диктует, как должны действовать религиозные учреждения (например, мечети), включая процесс выбора и назначения духовных лидеров, использование “правильной” версии Корана, место проведения религиозных собраний и содержание проповедей (HRW 2005, 3). Уйгурские правительственные чиновники (члены Коммунистической партии) и несовершеннолетние (школьники) были лишены права на соблюдение поста

в месяц Рамадан¹⁴, а представителям других мусульманских сообществ, работающим в государственных учреждениях (школах, больницах и пр.), активно препятствовали в соблюдении религиозных практик в этот период (Amnesty International 2002, 23). Более того, уйгурские священнослужители (имамы) находятся под постоянным наблюдением и контролем государства, и их идеологическое состояние должно соответствовать идеологическому состоянию Коммунистической партии. Для обеспечения этой идеологической согласованности режим проводит “кампании религиозного обучения” и “кампании политического перевоспитания”. Кампании 2001 и 2002 годов систематизировали идеологический контроль над священнослужителями (HRW 2005, 50).

Human Rights Watch (HRW 2005, 69-70) отмечает, что силы безопасности регулярно проводили обыски в кварталах и деревнях, проверяя дома на наличие удостоверений личности и домовых книжек, а также допрашивая жителей о местонахождении отсутствующих членов семьи. В ходе этих обысков искали “незаконные” публикации, такие как Коран, не одобренный правительством. Лица, которых силовики сочли проблемными, доставлялись на неизвестные объекты для дальнейшего допроса. Эти обыски часто сопровождалось насилием, и члены семьи или родственники задержанных не могли узнать, что произошло с их близкими после задержания. Некоторые задержанные подвергались длительным срокам заключения без предъявления официальных обвинений, другие были осуждены, направлены на “перевоспитание” в трудовые лагеря, а некоторые были освобождены.

Как отмечается в отчете HRW, “независимая религиозная деятельность или инакомыслие иногда произвольно приравнивается к нарушению государственной безопасности, что является серьезным преступлением в Китае и часто преследуется по закону” (HRW 2005, 3). Научная статья из сборника, выпущенного Министерством юстиции Китая и ставшего доступным Human Rights Watch, показывает, что 9,2% всех осужденных уйгуров в 2001 году были заключены в тюрьму за совершение “преступлений против государственной безопасности” (там же, 72).

Можно провести параллели между антисепаратистскими кампаниями 1990-х годов и контртеррористическими мерами, введенными сразу после 11 сентября 2001 года. Последние, имея международно признанную направленность как “террористическая угроза”, способствовали усилению репрессивного подхода к угнетению всего уйгурского населения. Для внешних наблюдателей это выглядело как обоснованный курс действий, тогда как для китайского режима это представляло собой продолжение репрессивной политики, упорядоченной через нарратив “Глобальной войны с терроризмом”. Преследование уйгуров продолжалось и в последующие годы.

В январе 2002 года кампании китайского режима по выравниванию идеологии также распространились на уйгурскую культурную сферу, включая художников, писателей, поэтов и историков. Председатель региона заявил, что “все, кто открыто пропагандирует сепаратизм, прикрываясь искусством”, будут преследоваться по закону (HRW 2002, 11; Amnesty International 2002, 24-25).

¹⁴ Стоит отметить, что данный запрет на пост в Рамадан действует и в 2020 году. Подробнее RFA 2020a.

В июне 2002 года китайский режим организовал масштабное сожжение книг в Кашгаре, в ходе которого было уничтожено значительное количество книг, включая около 128 экземпляров “Краткой истории гуннов и древней литературы”¹⁵ и 32 320 экземпляров “Древнеуйгурского мастерства”¹⁶. Последний труд содержал описание старинных методов ковроткачества, шелкоткачества, изготовления бумаги и столярного дела. Это сожжение книг было частью государственной программы по уничтожению уйгурской культуры и явно представляло собой ее оскорбление. Публичное сожжение книг, скорее всего, не было единичным случаем. Оно было частью более широкой кампании по “уничтожению порнографии и политических публикаций” (扫黄击政 sāohuáng jīzhèng), которая включала массовое уничтожение “незаконных” литературных, исторических и религиозных изданий. Власти могли открыто уничтожать уйгурские литературные и культурные произведения, оправдывая свои действия якобы соблюдением закона (Becquelin 2004a, 45).

Китайский режим продолжил свои усилия по получению международного одобрения и поддержки, выпустив второй официальный документ в декабре 2003 года под заголовком “Террористические группы и отдельные лица Восточного Туркестана”. В этом документе снова утверждается, что уйгурская оппозиция во всех своих проявлениях связана с международным радикальным исламским терроризмом. Этот документ в значительной степени повторяет содержание первого официального документа, опубликованного в январе 2002 года, который также связывал уйгурскую оппозицию с международным терроризмом.

В 2002 и 2003 годах китайское государство активизировало свою кампанию «Бей сильно», запустив инициативу “Бей сильно, под высоким давлением”, направленную на борьбу с так называемыми “тремя силами” – сепаратизмом, терроризмом и религиозным экстремизмом. Согласно официальным сообщениям СМИ, в январе 2004 года сообщалось о множественных арестах “террористов” и “сепаратистов” за последние 12 месяцев. Однако не поступало информации о начатых судебных процессах по этим делам. В сентябре 2004 года глава Коммунистической партии Восточного Туркестана Ван Лэцюань сообщил, что за первые восемь месяцев 2004 года власти предъявили обвинения 22 группам и отдельным лицам в совершении предполагаемых преступлений “терроризма” и “сепаратизма” (HRW 2005, 69).

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА: БОЛЬШЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СРЕДСТВОМ ОБУЧЕНИЯ

В последующие годы китайское правительство предприняло последовательные меры, направленные на маргинализацию уйгурского языка в образовательной системе. В мае 2002 года был издан указ, в соответствии с которым Синьцзянский университет перестанет предлагать курсы на уйгурском языке, по крайней мере, на протяжении первых двух лет обучения. Эта мера была внедрена в сентябре того же года (Dwyer, 2005, с. 39-40; Wingfield-Hayes, 2002). Процесс сокращения использования уйгурского языка в качестве средства обучения начался с 1984 года, при этом мандаринский диалект до середины 1990-х годов преподавался в школах, где обучались представители этнических меньшинств, только как второй язык.

¹⁵ Китайские власти считали, что эта книга может спровоцировать «сепаратизм».

¹⁶ Стихи из Корана были напечатаны во вступительных надписях.

После середины 1990-х годов мандаринский диалект стал использоваться в качестве основного средства обучения с третьего класса (Dwyer, 2005, с. 36; 38-39).

Во имя достижения “качества образования” китайское правительство в 2004 году выдвинуло политику “двуязычного образования” в попытке объединить школы меньшинств с китайскими школами, одновременно предписывая, чтобы китайский язык был основным или единственным средством обучения. В то же время родной язык учащихся из числа меньшинств фактически низводился до статуса второго языка (Schluessel, 2007, с. 257; RFA, 2004). Учителя из числа этнических меньшинств в школах и университетах были обязаны улучшать свои знания китайского языка и сдавать экзамен на его знание (известный как HSK), который обычно сдают иностранцы. В случае недостаточного владения китайским языком, учителям грозило увольнение или принудительный досрочный выход на пенсию (Dwyer 2005, 40; RFA 2004). В 2005 году в большинстве крупных городов Восточного Туркестана мандаринский диалект стал единственным средством обучения на всех уровнях школьного образования. Этот процесс сопровождался слиянием школ, что может рассматриваться как проявление “лингвицида” — насильственного исчезновения языков меньшинств (Dwyer 2005, 39), лишая уйгуров возможности выбора языка обучения (Schluessel 2007, 260) и представляя собой прямое посягательство на их культурную идентичность.

Согласно статье 37 Закона Китайской Народной Республики “О региональной национальной автономии” (2001 г.), школы и другие учебные заведения, где преимущественно обучаются представители этнических меньшинств, должны, по возможности, использовать учебники, написанные на их родных языках, а также осуществлять обучение на этих языках. Тем не менее, Коммунистическая партия Китая, единственная правящая партия с момента основания Китайской Народной Республики, не всегда следует своим собственным законам и конституции, что вызывает сомнения в наличии “верховенства закона” в стране. Более того, Китай пренебрегает международными нормами, конвенциями и правовыми обязательствами. Это подтверждается случаями исчезновения многих диссидентов и адвокатов-правозащитников, что указывает на отсутствие гарантированной защиты прав человека.

На основании ряда интервью, проведенных с уйгурскими учителями Радио “Свободная Азия” (RFA 2011; см. также RFA 2010), к 2011 году по меньшей мере 1000 уйгурских учителей были уволены из начальных школ Восточного Туркестана из-за недостаточного уровня владения китайским языком. Спустя десять лет после введения в 2001 году новой языковой политики, в школах по всему Восточному Туркестану систематически прекращалось преподавание на уйгурском языке. Так называемое “двуязычное” образование фактически представляло собой обязательное обучение на китайском языке, что подтверждается практикой использования мандаринского диалекта в образовательном процессе. Даже уйгурские дети в детских садах подвергались этой “двуязычной” образовательной кампании, направленной на эффективную ассимиляцию уйгурского населения. Аналогичная образовательная политика, ориентированная исключительно на использование мандаринского диалекта китайского языка, применялась и к другим этническим группам, таким как тибетцы в западной провинции Цинхай. В июне 2017 года был введен запрет на использование уйгурского языка на всех уровнях школьного образования,

включая дошкольный уровень, в префектуре Хотан (на китайском языке – Hétíán 和田). Этот запрет также распространился на всю коллективную и общественную деятельность, а также административную работу в системе образования; за нарушение данного приказа предусматривались “суровые наказания” (RFA 2017; см. также RFA 2020b).

С 1 сентября 2017 года, согласно общерегиональной директиве под названием “Стандартный план учебной программы двуязычного образования на этапе обязательного образования автономного региона” (自治区义务教育阶段双语教育课程设计方案, *zìzhìqū yìwù jiàoyù jiēduàn shuāngyǔ jiàoyù kèchéng shèzhì fāng'àn*), в рамках так называемого “двуязычного” образования все начальные и средние школы Восточного Туркестана начали переход на обучение исключительно на китайском языке. Конечной целью данной политики является проведение всех учебных занятий и использование учебных материалов исключительно на мандаринском диалекте китайского языка (Byler 2019a). В целях ускорения процесса ассимиляции молодого поколения уйгуров активно применяется практика помещения детей в школы-интернаты, что позволяет изолировать их от родных общин и привычной культурной среды.

В 2000 году Коммунистическая партия Китая учредила двенадцать школ-интернатов под названием “Синьцзянский класс” (内地新疆高中班, *neidi xinjiang gaozhongban*) во внутренних провинциях Китая. Эти школы предназначались для учащихся из Восточного Туркестана, где большинство населения составляют уйгуры. Основной целью этой программы была “политическая индоктринация” (Grose 2015, 108). Изначально в 2000 году количество учащихся составляло около 1000 человек, а число городов-участников в Китае было ограничено 12. Однако на протяжении последующих лет количество учащихся в данных школах-интернатах значительно увеличивалось. Сообщается, к 2020 году ежегодное число учащихся достигло 9880 человек в 45 городах Китая, а количество школ-участников возросло до 93 (Mouldu 2020).

В Восточном Туркестане большинство школ, начиная с восьмого класса, были преобразованы в школы-интернаты, а с 2017 года аналогичные преобразования коснулись и многих начальных школ а также детских садов. В результате уйгурские дети всех возрастов стали чаще проживать отдельно от своих родителей и обучаться в китайскоязычной среде, что лишает их возможности семейного воспитания на родном уйгурском языке и приобщения к традиционной культуре. Эта система образования фактически способствует утрате культурной идентичности среди уйгурских детей, отрывая их от родных сообществ и среды (там же).

Исследования (Reyhner & Singh, 2010; Woolford, 2009) показывают, что школы-интернаты способствуют утрате родных языков, религии и культурных знаний, что можно рассматривать как форму культурного геноцида. Интенсивные усилия китайского правительства по интеграции уйгуров в ханьское большинство в начале XXI века демонстрируют более ассимиляционистский подход по сравнению с его политикой в отношении меньшинств в 1980-х годах.

Эти незаконные директивы китайского режима нарушают собственное законодательство Китая, например, статью 10 в дополнение к вышеупомянутой статье 37 Закона Китайской Народной Республики о

региональной национальной автономии (2001 г.).

Можно утверждать, что существует экономический стимул для уйгурских школьников повышать уровень владения китайским языком, поскольку это может предоставить им возможности для трудоустройства и улучшения уровня жизни в будущем. Однако данный аргумент предполагает, что владение китайским языком автоматически приведет к трудоустройству, тогда как реальность свидетельствует об обратном. На рынке труда широко распространена дискриминация уйгуров и других этнических меньшинств. В объявлениях о вакансиях часто можно встретить указания на приоритетное трудоустройство этнических ханьцев (см. UHRP 2012, с. 4-6). В государственных секторах значительное количество вакансий зарезервировано для ханьцев (CECC 2009). Как отмечают Smith Finley и Zang (2015, с. 17), “возможности трудоустройства становятся все более ограниченными для уйгуров, независимо от их владения китайским языком” (см. также Smith Finley 2007, с. 220).

Zang (2011, 154-155), ханьский китаевед, в своем исследовании разрыва в доходах обнаружил, что в городе Урумчи уйгуры в среднем зарабатывают на 31% меньше, чем ханьцы. В целом по Восточному Туркестану разрыв в доходах еще больше: уйгуры зарабатывают на 52% меньше, чем ханьцы. Занг также приходит к выводу, что дискриминация является более вероятным фактором, объясняющим неравенство доходов, чем уровень школьного образования. Эти выводы подтверждают опыт и подозрения многих уйгуров, которые на протяжении длительного времени ощущают маргинализацию на своей собственной земле и не получают свою долю от экономического прогресса.

Исследователи неоднократно подтверждали, что уйгурский язык играет ключевую роль в сохранении уйгурской идентичности (Smith 2000, с. 155, 157-161; Smith 2002, с. 159-161; Dwyer 2005, с. 59; Hess 2009, с. 82; Schluessel 2007, с. 260; Reny 2009, с. 493-494). Ассимиляционистская политика Китая, предусматривающая использование китайского языка в качестве единственного средства обучения в школах и университетах, лишь усилила раскол между ханьцами и уйгурами. “Любой квалифицированный педагог согласится с тем, что школы должны опираться на опыт и знания, которые дети приносят в класс, и что обучение должно способствовать развитию способностей и талантов детей” (Cummins 2001, с. 16). Исследования о важности развития родного языка у двуязычных детей являются неоспоримыми: личностный рост и образовательное развитие во многом зависят от родного языка. Владея родным языком, учащиеся также легче осваивают второй язык (там же, с. 17). “Двуязычные дети демонстрируют лучшие академические результаты, если в школе эффективно преподается их родной язык и, при возможности, развивается грамотность на этом языке” (там же, с. 18).

Изучение второго языка может быть полезным, однако оно должно происходить на добровольной основе. Китайское правительство имеет возможность внедрения альтернативных решений в области языковой политики, которые позволили бы уйгурам достичь высокого уровня владения китайским языком, одновременно сохраняя и развивая свой родной язык. Такой подход обеспечил бы выбор языка обучения. Более того, “расширение автономии является эффективным решением, которое, хотя и противоречит принципам современной идеологии КПК, будет необходимо в ближайшем будущем для предотвращения

широкого недовольства языковой политикой среди и без того беспокойного населения” (Schluessel 2007, с. 273).

ВОССТАНИЕ 5 ИЮЛЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

11 лет назад, 5 июля 2009 года, уйгуры решительно, но мирно вышли на улицы города Урумчи, административной столицы Восточного Туркестана, в знак протеста против действий китайского правительства в связи с недавними смертями и жестокими нападениями на уйгуров, работающих на фабрике игрушек Xuri (旭日玩具厂, xùrì wánjùchǎng) в городе Шаогуань в южной провинции Гуандун. В ночь на 25 июня 2009 года группа ханьцев, (т.е. ханьских рабочих на фабрике игрушек “Сюри”), ворвалась в уйгурские общежития, совершив нападение используя металлические прутья, дубинки и мачете. Это насилие стало ответом на сообщение о сексуальных домогательствах к ханьским женщинам, которые оказались фейками/слухами¹⁷. Согласно официальным данным, в результате нападений погибли два уйгура, и 120 человек получили ранения, большинство из которых также были уйгурами. В Интернете были размещены видеозаписи, снятые, вероятно, очевидцами, на которых видно, как сотни мужчин совершают одностороннее жестокое нападение на уйгуров. Одно из свидетельств очевидца иллюстрирует жестокость этих нападений, в которых участвовало около тысячи рабочих: “Люди проявляли такую свирепость и жестокость, что продолжали избивать мертвые тела” (Jacobs 2009). Впоследствии сотни ханьских работников, участвовавших в насилии, покинули фабрику на следующий день, чтобы избежать ареста (Watts 2009).

Согласно свидетельству другого очевидца, опубликованному в газете *The Guardian*, реальное число погибших превысило 30 человек, поскольку этот свидетель сам участвовал в убийстве семи или восьми уйгуров. Силы безопасности вмешались и не допустили представителей прессы к интервью с ханьскими рабочими, участвовавшими в насилии, что сопровождалось жесткой цензурой со стороны государственных органов, предполагающей намеренное сокрытие информации. Эти согласованные действия были предприняты китайским правительством с целью скрыть истинное количество жертв трагедии (Smith Finley 2011, 74-5).

С 2006 года, с нарастающей динамикой в 2007 году, китайский режим и местные власти в Восточном Туркестане инициировали программы по “экспорту рабочей силы” или “снижению уровня бедности”, направленные на отправку уйгуров на фабрики, расположенные в восточных и южных регионах Китая, чем активно воспользовались многие предприятия. Официальные нарративы представляют данные программы как возможности для трудоустройства и освоения новых навыков, нацеленные на “снижение безработицы среди молодежи и обеспечение фабрик дешевой рабочей силой”. Согласно статье *The New York Times* 2009 года (Jacobs 2009), на тот момент уже произошло массовое перемещение около 1,5 миллионов человек из Восточного Туркестана в более развитые регионы юго-восточного Китая, в том числе на фабрику игрушек Xuri в Шаогуане. Однако некоторые критики указывают на противоречивый

¹⁷ Местные власти не обнаружили доказательств какого-либо сексуального насилия, совершенного уйгурскими рабочими, см. RFA 2009a.

параллельный процесс — массовый приток неквалифицированной рабочей силы ханьской национальности из внутренних районов Китая на рабочие места в Восточном Туркестане (Millward 2009b, 349). Более того, зарубежные уйгурские организации, такие как Всемирный уйгурский конгресс, утверждают, что уйгуров зачастую принуждали к принятию работы на фабриках в центральных районах Китая под угрозой санкций, таких как штрафы¹⁸, тюремное заключение, а также отказ в предоставлении сельскохозяйственных земель или выделение менее плодородных участков (RFA 2009a).

Новость об этом ужасном межэтническом насилии в Шаогуане сильно потрясла уйгуров в Восточном Туркестане. Множество людей стали свидетелями и были глубоко возмущены беспощадными нападениями на своих братьев-уйгуров, запечатленных на видео, которые распространялись и публиковались очевидцами в интернете на sohu.com, включая шокирующий и ужасающий эпизод, где ханьский китаец тащил, по всей видимости, мёртвое тело уйгура за волосы. В течение нескольких дней после смертельных актов насилия в Шаогуане уйгуры в Урумчи начали организовывать протесты, используя различные интернет-каналы и другие средства связи (Watts 2009). Согласно уйгурским и официальным правительственным источникам, многие уйгуры из других регионов Восточного Туркестана, особенно с юга, прибыли в Урумчи перед началом демонстрации (Millward 2009b, 351).

5 июля 2009 года примерно в 17:00 по местному времени (19:00 по пекинскому времени) уйгуры начали собираться для протеста, направляясь к Народной площади в Урумчи. Один из организаторов протеста в интервью Радио Свободная Азия (RFA 2009b) подчеркнул, что протест не должен носить насильственный характер. Коллективное требование протестующих было простым: провести расследование убийств в Шаогуане и восстановить справедливость. Некоторые участники протеста даже держали флаги КНР и махали ими во время шествия (Millward 2009b, 351), что использовалось как способ выразить свою лояльность к китайскому государству, а также как "защитный щит", поскольку любое проявление протеста могло привести к аресту в Восточном Туркестане. Протестующие также выкрикивали лозунги на уйгурском и мандаринском языках, резко осуждая этническую дискриминацию (Ramzy 2009).

То, что начиналось как мирная демонстрация, переросло в насилие только после вмешательства полиции. Когда протестующие приближались к Народной площади в Урумчи, вооруженные силы полиции уже заняли позиции и перехватывали дальнейшее продвижение демонстрантов. По словам очевидца, вооруженные полицейские начали избивать, задерживать и преследовать протестующих жестоким образом (RFA 2009b). Китайские официальные источники сообщили, что 70 протестующих были арестованы прямо на месте (HRW 2009). Со стороны властей не было предпринято никаких усилий для диалога с протестующими по поводу убийств в Шаогуане. Вместо этого вооруженная полиция задержала лидеров протеста, и после этого толпа действовала бесцельно. Если бы правительство взяло на себя инициативу по конструктивному диалогу с протестующими, последующие беспорядки в Урумчи можно было бы предотвратить, считает один из бизнесменов в интервью (RFA 2009b).

Китайские официальные лица подтвердили, что вооруженные силы безопасности применили слезоточивый газ, светошумовые гранаты и водометы высокого давления для разгона толпы, хотя

¹⁸ Денежная сумма, эквивалентная примерно шестимесячному доходу жителя деревни, см. Jacobs 2009.

некоторые уйгурские активисты обвинили их в открытии огня по протестующим (Foster & Moore 2009a). Возмущенные чрезмерным применением силы, протестующие связались с друзьями в других частях города, информируя их о жестоком подавлении демонстрации, что, по мнению Millward (2009b, 352), спровоцировало последующие беспорядки. Иностранные студенты, находившиеся в Урумчи в то время, подтвердили, что слышали выстрелы после наступления темноты 5 июля (Smith Finley 2011, 76). Видеоматериалы¹⁹ и признания²⁰ китайских официальных лиц также подтвердили обвинения многих свидетелей и уйгурских активистов в применении огнестрельного оружия со стороны сил безопасности.

Китайский режим оперативно обвинил “внешние силы”, такие как Рабия Кадыр и Всемирный уйгурский конгресс, в подстрекательстве к беспорядкам, в то время как Кадыр (2009) опровергла эти обвинения, заявив, что “настоящий мир не может быть достигнут при полном игнорировании этнической дискриминации и этнической дисгармонии в Восточном Туркестане”. Данный оперативный шаг китайского режима по перекладыванию вины на иностранных уйгурских активистов продемонстрировал его неудачу в признании “накопившегося напряжения между уйгурами и ханьцами в регионе Восточный Туркестан” (Roberts 2018, 242).

Вслед за событиями в Шаогуане последовала серия неэффективных действий. Хотя местная полиция арестовала мужчину, обвиняемого в распространении слухов о ложных обвинениях в изнасиловании в интернете, что привело к смертоносному межэтническому насилию (Buckley 2009b), этот арест состоялся почти через три дня после инцидента. Пресс-секретарь местного правительства Ван Циньсинь снизил значимость убийств уйгурских рабочих, назвав их “обычным инцидентом” (Watts 2009). Более того, заместитель директора Офиса по иностранным делам Шаогуана Чэнь Цихуа также умалил значимость насилия, заявив, что “проблема между ханьцами и уйгурами напоминает разногласия между супругами; у нас бывают споры, но в конечном итоге мы остаемся одной семьей” (Jacobs 2009). Лишь 7 июля полиция Шаогуана сообщила об аресте 13 подозреваемых, связанных с убийствами, хотя иронично, что подозреваемые были задержаны два дня ранее, 5 июля, в то время как протестующие в Урумчи требовали ответов от китайского правительства (Kadeer 2009; Watts 2009).

Китайские государственные СМИ представили “искаженное представление событий” общественности при освещении беспорядков в Урумчи, сосредоточив внимание в первую очередь на жертвах среди ханьцев и не упомянув о насилии, примененном полицией против уйгурских протестующих, что “могло стать катализатором возмездия ханьских “народных мстителей” 7 июля”; В результате многие уйгуры могли также сформировать аналогичное восприятие искаженного освещения событий в государственных СМИ (Smith Finley 2011, 77).

С 6 июля 2009 года международной прессе был предоставлен ограниченный доступ к городу Урумчи

¹⁹ Buckley (2009a) сообщает, что «на стеклянном фасаде офиса Банка Китая можно было увидеть множество пулевых отверстий».

²⁰ 7 июля были застрелены семеро уйгурских пациентов, проходивших лечение в Народной больнице (Foster & Moore, 2009a). Нур Бекри, председатель Синьцзян-Уйгурского автономного района, заявил, что 12 уйгуров было застрелено после того, как проигнорировали предупредительные выстрелы (Duncan 2009).

для освещения последствий инцидента, который начался как мирная демонстрация, но перерос в насилие. На следующий день журналистов провели по официально организованному туру в ханьские районы, пострадавшие от беспорядков, где они стали свидетелями эмоциональной демонстрации уйгурских женщин, которые обращались к иностранным корреспондентам с призывом о немедленном освобождении своих сыновей и мужей, задержанных во время и после беспорядков. К 7 июля полиция арестовала около 1434 подозреваемых (Foster & Moore, 2009a; Branigan 2009), большинство из которых были уйгурами. В качестве авторитарного режима Китай решил отключить доступ в интернет, международные телефонные звонки и текстовые сообщения после того, как ханьцы мобилизовали свои ответные атаки на уйгуров; эти услуги не были восстановлены до 10 месяцев спустя (Huang & Wills 2010).

Коммунистическая партия Китая не терпит инакомыслия, и любой, кто осмеливается ставить под сомнение ее власть, легитимность или действия, а также те, кто предлагает конструктивную критику, будет преследоваться и подвергаться судебным разбирательствам, как в случае с уйгурским профессором экономики Ильхамом Тохти из Центрального университета наций в Пекине, который был приговорен к пожизненному заключению. Он был задержан на несколько недель после событий 5 июля за документирование случаев арестов, убийств и исчезновений уйгуров и публикацию этой информации в интернете (Amnesty International 2016). Тохти критически анализировал политику китайского режима в отношении меньшинств, предлагая конструктивные рекомендации по таким вопросам, как использование уйгурского языка, практики религии, дискриминации на рынке труда для уйгурских соискателей и государственная миграция ханьцев в Восточный Туркестан. В последующие годы он неоднократно подвергался домашнему аресту на различные сроки. 23 сентября 2014 года, после закрытого двухдневного судебного разбирательства, он был признан виновным в сепаратизме и приговорен к пожизненному заключению (там же). “Пожизненное заключение Тохти за предполагаемый сепаратизм, что является крайне жестоким даже по сравнению с наказаниями, применяемыми в КНР к инакомыслящим интеллектуалам, иллюстрирует отсутствие терпимости со стороны государства и Коммунистической партии Китая к любому содержательному диалогу с представителями уйгурского мнения” (Roberts 2018, 245).

Возмущенные беспорядками и, в дополнение к тому, что они воспринимали ответ как слабую и неадекватную реакцию властей²¹ на события, тысячи ханьцев вышли на улицы 7 июля и в последующие дни с намерением отомстить уйгурскому населению, вооружившись железными прутьями, дубинками, мачете и другими самодельными орудиями (Buckley 2009c). Власти изначально проявили медлительность в реагировании на массовые сборища ханьцев вокруг Народной площади (Branigan 2009). Полицейский спецназ просто наблюдал за тем, как разъяренные толпы ханьцев ворвались в уйгурский район, громя рестораны и магазины, и не предприняли никаких существенных мер для того, чтобы сдержать разъяренную толпу (Buckley 2009c).

После протестов 5 июля имели место беспорядочные аресты и насильственные исчезновения. Amnesty International (2010, 21) отмечает, что во время протестов люди были задержаны, а 6 июля силовые

²¹ Владелец магазина в Хане сказал, что «правительство и полиция могли бы остановить это [беспорядки] в первый же день, но их действия были слабыми» (Foster & Moore, 2009b).

структуры провели массовые обыски по домам, в результате которых было арестовано большое количество предполагаемых участников протестов и подозреваемых в участии в актах насилия. Однако китайские власти не обнародовали имена и другую информацию арестованных. Более того, Human Rights Watch (HRW 2009, 21-22) сообщает, что масштабные рейды привели к “широкомасштабной кампании незаконных арестов” в уйгурских районах Урумчи, что стало причиной по меньшей мере десятков необратимых исчезновений, которых не удалось отследить²². Также имели место целенаправленные обыски, в ходе которых задерживались неизвестные числа людей из их домов, мест работы, врачебных кабинетов или прямо с улиц (там же, 23-24). В то время как реальное количество арестованных и заключенных в связи с беспорядками остается неизвестным, источник, осведомленный о вопросах безопасности, сообщил Financial Times, что более 4000 уйгуров уже были арестованы в течение первых двух недель после событий 5 июля (Hille 2009).

Беспорядки в Урумчи стали самыми жестокими инцидентами со времени восстания в Кульдже в 1997 году. Эти события нанесли не только значительный материальный ущерб, но и привели к человеческим жертвам. Согласно официальным данным китайских властей, опубликованным в сентябре, в результате беспорядков погибло 197 человек²³, более 1700 получили ранения, а 331 магазин и 1325 автомобилей подверглись вандализму (Millward 2009b, 352). Анализ хода событий 5 июля, когда мирная демонстрация переросла в насилие, позволяет выявить несколько факторов, способствующих продолжающимся государственным репрессиям против уйгуров: дифференцированное отношение со стороны государства, социально-этническое неравенство и недовольство уйгурского населения. Последствия этих событий затронули уйгуров по всему Восточному Туркестану в последующие годы, начиная с увеличения государственных усилий по китаизации уйгуров в культурной и языковой сферах и заканчивая продолжающимся преследованием, которое проявляется в форме внесудебных интернирований, принудительного труда и программ стерилизации уйгурских женщин.

Дифференцированное отношение государства к ханьскому самоуправству/беспорядкам 7 и 8 июля еще больше укрепило восприятие фаворитизма/терпимости по отношению к ханьским китайцам среди многих уйгуров, что контрастировало с жестким подавлением преимущественно мирных протестов уйгуров 5 июля. Как отмечает Millward (2009, 354), ханьские толпы “казались действующими безнаказанно, даже когда за этим наблюдала пресса, что резко контрастировало с подавлением уйгурской демонстрации 5 июля”. Более того, этот дифференцированный подход также проявлялся в крайне медленной реакции полиции на насилие и убийства со стороны ханьцев в Шаогуане, где жертвами стали уйгуры. Один из уйгурских свидетелей заявил: “Когда китайцы вышли с дубинками и битами, никто не остановил их. Они [полиция] притворяются, что останавливают их, но на самом деле не действуют строго; если бы уйгуры вышли с дубинками и битами, по ним бы немедленно открыли огонь” (RFA 2009c). Другой респондент добавил по поводу дифференцированного обращения: “Если бы государство проявило такую же

²² Human Rights Watch (2009, 21) задокументировали, по меньшей мере, 43 случая насильственных исчезновений в период с 6 июля по начало августа 2009 г.

²³ Китайские власти сообщили, что 5 июля погибло не менее 46 уйгуров, хотя 6 и 7 июля они публично не признали ни одной смерти уйгуров (Amnesty International 2010, 20).

жестокость по отношению к ним [ханьским бунтовщикам], как по отношению к уйгурским протестующим, они, безусловно, могли бы быстро решить проблему [ханьского самоуправления и беспорядков]” (там же).

Другим примером, который иллюстрирует явное проявление двойных стандартов, выявленных в зарубежной прессе, является ситуация, когда секретарь Коммунистической партии Урумчи, Ли Чжи, на безопасном расстоянии, находясь на крыше полицейского автомобиля, призывал ханьских бунтовщиков к спокойствию, высказывая им сочувствие, в то время как одновременно подстрекал их к скандированию “Долой Рабию” (Millward 2009, 354; Buckley 2009c). В то же время уйгурские протестующие не получили аналогичного сочувственного обращения от каких-либо государственных должностных лиц 5 июля.

Smith Finley (2011, 79-80) подчеркивает, что социально-этническое неравенство между ханьцами и уйгурами в Урумчи, а также сопутствующее этому социально-политическое недовольство среди уйгуров, могут быть проиллюстрированы физическими целями уйгурских участников беспорядков, которые “символизировали сравнительное преимущество ханьцев”, такие как автомобили, магазины, предприятия и высококлассная недвижимость, которые в основном принадлежали богатым ханьским китайцам.

Некоторые уйгурские участники беспорядков без разбора нападали на ханьцев исключительно на основании их этнической принадлежности, что было неприемлемо и решительно противостояло Рабии Кадыр (Kadeer 2009), что можно было интерпретировать как безоговорочное приравнивание простых ханьских гражданских лиц к политике китайского режима в отношении меньшинств (Smith Finley 2011, 80), “[представляя] значительное перенаправление гнева по более четкому этническому руслу” (Thum 2009). Как уже упоминалось в предыдущих разделах данного доклада, эта репрессивная политика и недовольство уйгуров включают в себя финансируемую государством ханьскую иммиграцию в Восточный Туркестан, ограничивая свободы вероисповедания и религиозной деятельности (Bovingdon 2010, 129); упразднение уйгурского языка как средства обучения в школах и других учебных заведениях (Dwyer 2005; Schluessel 2007), неспособность государства предпринять значимые меры по запрету дискриминации в отношении уйгуров на рынке труда (Весquelin 2004b), а также государственную эксплуатацию природных ресурсов Восточного Туркестана, в результате которой уйгуры не получают своей доли прибыли (там же). Кроме того, наблюдается растущий разрыв в уровне благосостояния и доходов между уйгурами и ханьцами, при этом первые имеют более низкий уровень жизни, а также беспорядочные аресты и последующие несправедливые судебные разбирательства (Amnesty International, 2010). В конечном итоге складывается общее восприятие социальной и пространственной маргинализации (Smith Finley 2011, 80).

Межэтнические столкновения в полной мере дали выход многолетним репрессиям, за которыми, в свою очередь, последовали интенсивные репрессии против подозреваемых уйгуров, обвиняемых в причастности к беспорядкам. Череда событий, разыгравшихся после 5 июля, стала поворотным моментом в уйгурско-ханьских поселенческих отношениях и усилила репрессии против уйгуров следующим образом: а) Китайское государство начало подвергать сомнению лояльность всего уйгурского народа, а не ограничиваться лишь подозреваемыми в угрозе “государственной безопасности”; б) репрессивные меры в отношении уйгуров усилились, так же как и усилия государства по уничтожению уйгурской идентичности,

опирающейся на шовинистическую идеологию, укоренившуюся в колониализме поселенцев; с) Китайский режим ускорил свои действия по интеграции Восточного Туркестана в состав Китая, стремясь сделать уйгурский регион неотъемлемой частью китайского государства; d) в конечном итоге, это привело к продолжающемуся преследованию миллионов уйгуров, интернированных без суда и следствия в “лагеря перевоспитания”, а также к криминализации отдельных аспектов уйгурской культуры, например, деятельности, рассматриваемой как религиозная, принудительному труду на фабриках и программе стерилизации женщин, что можно квалифицировать как геноцидальную политику со стороны китайского режима.

СИСТЕМА ЛАГЕРЕЙ: СРЕДСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРА

События в Восточном Туркестане за прошедшие несколько лет, вызвавшие широкое международное осуждение, можно охарактеризовать как “составную версию авторитарных фантазий двадцатого века и популярных антиутопий, ставшую возможной благодаря технологиям двадцать первого века” (Clarke 2018; Vanderklippe 2017; цит. по: Cliff 2019, 181). Эти события сопровождаются активизацией китайского режима по принудительной, идеологической обработке уйгуров и других тюркских народов через следующие механизмы: обширная сеть лагерей для интернированных; принудительный труд уйгуров; идеологическая обработка детей (“украденное поколение”); контроль над рождаемостью уйгуров (что квалифицируется как геноцид, согласно Конвенции ООН). Конечная цель этих мер заключается в полном уничтожении уйгурской идентичности и успешной реализации политики ассимиляции, что фактически представляет собой этноцид.

С 2017 года западные новостные агентства освещают беспрецедентный проект социальной реорганизации в Китае, который представляет собой массовые лагеря идеологической обработки. Китайский режим усилил преследования уйгуров и других тюркских мусульман, подвергая их, по оценкам, миллионам людей внесудебному интернированию в многочисленных так называемых лагерях “перевоспитания”, представляющих собой укрепленные тюремные объекты для интернированных, расположенные по всему Восточному Туркестану (также известному как Синьцзян). Летом 2017 года, уйгуры в Восточном Туркестане начали удалять свои контакты (например, друзей и родственников) из китайского мессенджера WeChat. Они также ясно дали понять своим контактам за границей, что необходимо прекратить общение по телефону, иначе могут возникнуть серьезные последствия.

С обострением ситуации в регионе спутниковые снимки зафиксировали масштабное строительство комплексов/проектов, установленных двойными заборами и сторожевыми вышками по всему Восточному Туркестану. Множество уже существующих объектов, по всей видимости, были преобразованы в комплексы, похожие на тюремные, что подтверждается тендерами на строительство, объявленными для установки инфраструктуры тюремного типа (Denyer 2018). Эти лагеря интернирования оснащены колючей проволокой, защитными барьерами, системами видеонаблюдения, наблюдательными постами, заборами и защитными сетками (Introvigne 2018). По данным на октябрь 2018 года, Agence France-Presse (AFP 2018) на основе собранных сведений подсчитало, что в регионе насчитывалось по меньшей мере 181 место

интернирования. В интервью Радио Свободная Азия 8 ноября 2019 года Адриан Зенц, старший научный сотрудник по вопросам Китая в Мемориальном фонде жертв коммунизма (Вашингтон), на основе первоисточников Коммунистической партии Китая и других источников указал, что количество лагерей интернирования в Восточном Туркестане, вероятно, превышает 1000, хотя эта цифра остается предположительной (RFA 2019).

Согласно свидетельствам бывшего лагерного учителя Кальбинур Садык (Ingram 2020), условия содержания в лагерях для интернированных были крайне ужасными. Заключенных держали в переполненных помещениях, разрешая посещать туалет только три раза в день в строго определенное время. Душ предоставлялся лишь раз в месяц, и на него выделялось всего 15 минут. В женском лагере в Урумчи в каждой тюремной камере ощущался резкий запах мочи, исходящий от туалетного ведра, которое ставили в каждую камеру и опорожняли лишь раз в сутки. Время на умывание было ограничено одной минутой, что приводило к массовым заболеваниям среди интернированных, вызванным крайне антисанитарными условиями.

Кроме того, сообщалось о многих случаях пыток, которые включали, например, «четыре вида электрошока: стулом, перчаткой, шлемом и анальным изнасилованием палкой» (там же). Бывшие интернированные, в своих репортажах для Human Rights Watch рассказывали, что подвергались физическому насилию и пыткам: их заковывали в кандалы, лишали сна, избивали и подвешивали к потолку/стенам (HRW 2018a, 33-36). Другого бывшего интернированного пытали за то, что он не заправлял постель, заставляли носить одежду из железных когтей и прутьев, которые запирали его в звездном положении на 12 часов; На таких людей, как он, которые отказывались подчиняться, также надевали наручники на руки и лодыжки на срок до 12 часов (Куо 2018). Если неповиновение продолжалось, их могли наказать утоплением или привязать к металлическому “стулу-тигра” на 24 часа (Denyer 2018; Ши 2018). Один уйгур, также бывший интернированный, показал, что подвергся групповому изнасилованию со стороны более чем 20 охранников лагеря (Chao 2019). Одна из сотрудниц полиции в женском лагере рассказала бывшему лагерному воспитателю, что ежедневно несколько уйгурских девочек подвергались групповому изнасилованию со стороны руководителей лагеря, состоявших из китайских ханьцев, “иногда с электрическими дубинками, вставленными во влагалище и анус” (Ingram 2020).

Число лиц, подвергшихся одной из восьми форм внесудебного массового интернирования, оценивается в пределах от 1 до 3 миллионов человек. Согласно данным группы экспертов ООН по правам человека, более 1 миллиона (ABC 2018a); другие источники приводят оценку в 1,5 миллиона (Zenz 2019b); от 2 до 3 миллионов (Chinese Human Rights Defenders, 2020); По словам Рэндалла Г. Шрайвера, помощника министра обороны США по вопросам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, число интернированных, вероятно, ближе к 3 миллионам (Buckley & Wong 2019). Последствия этого массового интернирования ощущает почти каждая уйгурская семья в Восточном Туркестане, по крайней мере, один человек в каждой семье и в бесчисленном множестве других случаев, несколько человек в семье подвергаются интернированию без суда и следствия (Zenz 2019b). В 2018 году, на юге региона до 80% взрослого населения в городах, в какой-то момент были интернированы/задержаны, по словам оставшихся

местных жителей; “Пустые улицы в Урумчи и Кашгаре являются жутким свидетельством того, как кампания по обеспечению безопасности разрушает экономическую и социальную ткань Синьцзяна” (Feng 2018a).

Human Rights Watch сообщает, что задержанные не имеют надлежащей правовой процедуры и доступа к адвокату (HRW 2018a, 28) и подвергаются грубым нарушениям прав человека, а именно пыткам и “промыыванию мозгов” (там же, 30 и 69; Denyer 2018), сексуальному насилию (Introigne 2020), разделению семей (HRW 2019a) и принудительной стерилизации (Zenz 2020a; Associated Press 2020).

Эта беспрецедентно масштабная система содержания под стражей, которая оказалась больше по объемам, чем вся предыдущая система “образования через труд” в Китае (Zenz 2019a, 103), является незаконной в соответствии с Конституцией Китая (статья 37) и Законом о законодательстве (статьи 8 и 9), несмотря на законодательство Синьцзяна²⁴, которое “не имеет юридических полномочий предписывать меры для содержания под стражей” (Donald Clarke 2018; также см. Daum 2018). Физическое ограничение личной свободы санкционировано только в соответствии с законами, принятыми Всекитайским собранием народных представителей или его постоянным комитетом, в то время как содержание под стражей в масштабной сети лагерей для интернированных не имеет оснований в этих законах (там же). Интернированные не проходят через судебный процесс, что делает их задержания не только незаконными, но и внесудебными.

Китай является участником четырех международных конвенций по правам человека: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (ратифицирована Китаем в 1981 году); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП, ратифицирован Китаем в 2001 году); Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ, ратифицирован Китаем в 1980 году); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (UNCAT, ратифицирована в 1988 году). Насильственное интернирование и религиозное подавление [уйгуров], возможно, нарушает каждую из этих конвенций. (Hurd 2018).

Согласно официальным сообщениям и государственным СМИ, кампания “перевоспитания” китайского режима началась в конце 2013 года и в последующие годы стала ещё более институционализированной (Zenz 2019a, 103). 15 ноября 2012 года Си Цзиньпин²⁵ стал генеральным секретарём Коммунистической партии Китая (КПК), а инициатива “Один пояс, один путь” была впервые официально объявлена им во время визита в Казахстан в сентябре 2013 года. Учитывая своё географически стратегическое расположение, Восточный Туркестан играет ключевую роль в постоянно растущем экономическом и

²⁴ Он был принят в 2017 году и дополнен 9 октября 2018 г. постоянным комитетом законодательного органа Синьцзян-Уйгурского автономного района.

²⁵ Он также является главой Китайской Народной Республики и председателем Центрального военного совета, но он не является «президентом» Китая, поскольку он имеет авторитарную политическую систему, т.е. не избирается свободно всенародным демократическим голосованием. (см. Sonnad 2017; Stone Fish 2019; O’Keeffe & Stech Ferek 2019)

политическом влиянии Китая, направленном на запад по суше и морю. Поэтому проект “секьюритизации” в Восточном Туркестане — обширная сеть лагерей для интернированных/идеологической обработки, сопровождаемая массовым наблюдением — был реализован для обеспечения стабильности в регионе. Этот проект “секьюритизации” был частично оправдан продолжающимися насильственными инцидентами, вызванными государственными репрессиями в Восточном Туркестане после восстания 5 июля 2009 года; другими словами, “эскалация репрессий, за которым следовало насилие и ещё больше репрессий в последующие годы” (Roberts 2018, 244). Впоследствии несколько громких насильственных инцидентов, предположительно инициированных уйгурами²⁶, также ускорили, если не консолидировали, проект “секьюритизации” китайского режима.

К 2014 году китайский режим усилил давление на уйгурские веб-сайты, значительно ограничив и без того несуществующую свободу слова, осуществляя цензуру онлайн-контента²⁷ и накладывая длительные тюремные сроки на многих уйгурских веб-специалистов за различные правонарушения, включая “раскольничество”, “утечку государственных секретов” и “организацию незаконных демонстраций” (Olesen 2014). После серии громких насильственных инцидентов в 2013 и 2014 годах китайские власти объявили в мае 2014 года о начале “народной войны с терроризмом” и ввели дополнительные ограничения на религиозную практику и свободу выражения мнений. В частности, в Кашгаре были установлены контрольно-пропускные пункты для реализации кампании под названием “Проект красоты”, в рамках которой было запрещено ношение хиджабов, закрывающих лицо или шею. Более того, в Яркенде, где китайское государство выделило 2-х миллионов долларов на создание системы слежения, были проведены поквартирные обыски с целью выявления предполагаемых сепаратистов, террористов и экстремистов. Религиозные репрессии на юге Восточного Туркестана в 2014 году приняли форму «тотального наступления на ислам» (Denyer 2014).

В августе 2016 года Чэнь Цюаньго (陈全国), бывший глава Коммунистической партии Тибета, был переведён в Восточный Туркестан в качестве нового партийного руководителя. Это можно интерпретировать как “вотум доверия” его управлению конфликтом в Тибете, где он разработал и внедрил “новую модель интенсивного полицейского надзора и сетевого наблюдения” (网格化管理), включающую “удобные полицейские участки” (便民警务站²⁸), а также “двухзвенную систему управления домашним хозяйством”, при которой “группы из десяти семей должны шпионить друг за другом, чтобы проверять

²⁶ 28 октября 2013 г. семья из трех уйгуров на внедорожнике совершила наезд на толпу на площади Тяньаньмэнь в Пекине, убив себя и двух гражданских лиц и ранив по меньшей мере 42 человека (Rajagopalan 2013). 1 марта 2014 г. группа уйгуров совершила беспорядочные нападения с ножом на железнодорожном вокзале в городе Куньмин на юге Китая. 31 мирный житель погиб и 141 получил ранения (Wong 2015). 22 мая 2014 г. нападавшие совершили наезд на двух автомобилях в толпу, а также взорвали взрывчатку в Урумчи, убив 31 мирного жителя и ранив 94 (Jacobs & Tatlow 2014). 18 сентября 2015 г. в результате нападения на угольную шахту в г. Аксу погибло не менее 50 человек (Blanchard 2015).

²⁷ «Такие вопросы, как дискриминация, двуязычное образование для детей, религия и безработица, являются одними из многих опасных или запрещенных тем [в Восточном Туркестане]» (Olesen 2014).

²⁸ Несмотря на то, что эти полицейские участки предназначены для того, чтобы сделать навязчивую секьюритизацию менее пугающей, их основной целью является наблюдение (Zenz & Leibold 2017b, 25). По состоянию на март 2017 г. в Восточном Туркестане было построено или реконструировано 7300 таких станций, функционирующих в качестве действующих соединительных точек для каждой сети (Leibold 2020, 50).

угрозы безопасности и риски бедности” (Dillon 2019, 188). Эта система является частью более обширного социального контроля: Трёхмерной системы превентивного контроля общественной безопасности (立体化社会治安防控体系) (Groot 2019, 102; см. также Zenz & Leibold 2017a, 17). На основе анализа “Каракашского списка”, просочившегося в прессу документа китайского правительства, А. Зенц отмечает, что основная роль Чэня заключалась в “корректировке, оптимизации и особенно расширении существующих структур и механизмов”, связанных с усилиями по массовому интернированию. А. Зенц также утверждает, что до перевода Чэня в Восточный Туркестан система “перевоспитания” уже была разработана и функционировала в полном объёме²⁹.

Управление наблюдением в стиле сетки стало возможным благодаря использованию камер видеонаблюдения, технологий мобильных сетей и мощностей обработки больших данных для наблюдения за населением в четко выделенной геометрической зоне (Zenz & Leibold 2017b, 24), что превратило Восточный Туркестан в “государство безопасности в государстве”, фактически “изолированное от остальной части КНР” (Roberts 2018, 246). Эта система слежки в первую очередь нацелена на уйгурское население в целом, заставляя его “чувствовать себя всё более осажденным на своей собственной родине” и тем самым создавая напряжение для долгосрочной социальной стабильности в регионе (там же, 26). После назначения партийным руководителем Восточного Туркестана и применения той же тактики секьюритизации, которую он разработал в Тибете, Чэнь добился того, на что у него ушло пять лет в Тибете, всего за год в Восточном Туркестане (Zenz & Leibold 2017a, 16).

Уйгуры по всему Восточному Туркестану были вынуждены вернуться в свои родные города, как правило, с меньшими возможностями трудоустройства, чтобы получить новый пропуск на контрольно-пропускной пункт. Посещение родственников в соседнем городе теперь требует письменного разрешения, что ограничивает мобильность большинства уйгурского населения, поскольку они не могут получить такой пропуск (Zenz & Leibold 2017a, 22; Byler 2020). Ограничения на передвижение уйгуров также включают, среди прочего, конфискацию паспортов (Wong 2016), приказ (а также репатриацию) уйгурских студентов, обучающихся за рубежом, вернуться домой (Feng 2017)³⁰, и огораживание кварталов заборами с проверкой безопасности (RFA 2016). Ограничение передвижения уйгуров происходит не только между городами, но и в пределах отдельных городских районов.

27 декабря 2015 года Всекитайское собрание народных представителей КНР, находящееся под непосредственным контролем Коммунистической партии, официально одобрило закон о борьбе с терроризмом, вступивший в силу в конце года. Данный закон криминализирует практически все формы уйгурского инакомыслия, включая традиции, исламские верования и практики, рассматривая их как признаки терроризма и экстремизма. Более того, закон был дополнен “положениями о дезэкстремизации”,

²⁹ С августа 2016 года по июль 2017 года было объявлено о 90 866 вакансиях, связанных с безопасностью, что почти в 12 раз превышает число вакансий, существовавших после восстания в Урумчи в 2009 году. Около 95% из них составляли должности помощников полиции, которые были связаны с примерно 7500 полицейскими станциями, работающими по принципу «удобной полиции» по всему Восточному Туркестану (Zenz & Leibold 2017a, 18).

³⁰ По прибытии многие из них исчезли (Shih 2017).

которые еще более ограничивают публичное выражение уйгурской религиозности, предоставляя правовые основания для преследования “мыслей, внешности и поведения уйгуров” (Roberts 2018, 246). Несмотря на то, что некоторые местные чиновники в Восточном Туркестане ранее следили за соблюдением этих ограничений (Gap 2017), ни закон о борьбе с терроризмом, ни правила деэкстремизации не допускают длительного содержания под стражей. Таким образом, существующая обширная сеть лагерей для интернированных с бессрочным содержанием под стражей является незаконной.

В конце 2014 года коммунистический режим выпустил брошюру под названием “Основы выявления религиозно-экстремистской деятельности — 75 различных признаков религиозного экстремизма” (识别宗教极端活动(75 种具体表现)基础知识)³¹. Брошюра состоит из трёх частей: пропаганда идеологии религиозного экстремизма, аномальная религиозно-экстремистская деятельность и ее начальные признаки, а также подозрение в участии в незаконной религиозно-экстремистской деятельности. Общественность призывали сообщать в полицию о каждом столкновении с любым из 75 признаков религиозного экстремизма. Многие признаки из этого списка служат основанием для интернирования (см. Greer 2018).

По словам бывших задержанных и их родственников, опрошенных Байлером (Byler 2020), они были интернированы из-за цифровых текстов, аудиоклипов и видео, которыми они делились на своих мобильных устройствах. Во многих других случаях причиной интернирования стали регистрация нескольких SIM-карт с помощью одного удостоверения личности, установка несанкционированных иностранных приложений, таких как Facebook и WhatsApp, на свои мобильные телефоны, или использование VPN (виртуальных частных сетей) для обхода китайского “великого файрвола” с целью доступа к заблокированным веб-сайтам и приложениям или анонимизации своей онлайн-активности путем шифрования веб-трафика. Ни один из этих действий не является преступлением по каким-либо правовым стандартам, однако “цифровой след несанкционированной исламской практики” или даже связь с лицами, кто нарушает одно из этих правил, может быть достаточным основанием для того, чтобы их отправили в один из центров содержания под стражей. В результате большинство уйгуров либо получали длительные сроки тюремного заключения, либо отправлялись в лагеря для интернированных (Byler 2019b).

Всеобъемлющая система слежки, разработанная ведущими китайскими технологическими компаниями, не позволяет обнаружить “девиантное” религиозное или проблемное поведение. Однако, если китайское государство стремится еще глубже проникнуть в повседневную жизнь уйгуров, оно должно физически присутствовать в их домах. И оно стало входить в дома уйгуров, становясь последними незванными гостями. С 2016 года более миллиона китайских коммунистов, то есть государственных служащих, получили приказ осуществлять физическое наблюдение за уйгурскими семьями в течение нескольких недель (Byler 2018). Эти надзиратели были назначены в качестве “родственников” в уйгурские семьи, с которыми они ели, жили, занимались домашними делами и вместе изучали руководящие принципы Коммунистической партии (同吃同住同劳动同学习)³², даже делили одну постель. Как отмечает Byler

³¹ <http://archive.fo/TlazC> (на мандаринском диалекте)

³² По данным Отдела единого фронта ЦК КПК, <https://web.archive.org/web/20180521023148/http://www.zytzb.gov.cn/tzb2010/S1824/201712/029ea48103254b359c754152e005c302.shtml>

(2018, 4), эти визиты, направляемые государством, часто сосредоточены на родственниках тех, кто был отправлен в лагеря для интернированных или центры содержания под стражей.

Комитеты соседства по всему Восточному Туркестану оценивали степень доверия уйгуров, используя форму оценки доверия, в которой люди начинали с максимального балла в 100, а затем в зависимости от различных причин для снижения баллов их общий счёт уменьшался. Среди причин для снижения баллов можно найти, например, следующие: 1) быть уйгуром; 2) иметь паспорт; 3) находиться в возрастной группе 15-55 лет; 4) ежедневно молиться; 5) быть безработным. Каждая из этих причин приводит к снижению на 10 баллов. В тех случаях, когда в городских районах счёт ниже 50 баллов, человек потенциально может быть отправлен в лагеря для интернированных (Byler 2020). В других случаях счёт ниже 60 баллов означает риск интернирования (Zand 2018).

По данным Global Times (2018), рупора Коммунистической партии Китая, в период с октября 2016 года по сентябрь 2018 года около 1,1 миллиона государственных служащих были назначены для того, чтобы объединиться и стать “семьей” с более чем 1,69 миллиона граждан из числа этнических меньшинств³³. Также сообщается, что в дополнение к 49 миллионам оценочных визитов в уйгурские семьи было проведено 11 миллионов сессий по изучению идеологии. В приведённом руководстве³⁴ “родственники” следуют указаниям о том, как наилучшим образом проводить свои оценочные визиты. Кроме заполнения различных форм, они должны делать заметки о подозрительном или девиантном поведении, а также о мыслях, что, в свою очередь, может привести к отправке подозреваемых уйгуров в лагеря массового интернирования для “перевоспитания”.

Human Rights Watch (HRW 2019b) провела реверс-инжиниринг приложения, используемого правительственными чиновниками и полицией, которое связано с системой массового наблюдения под названием Integrated Joint Operations Platform³⁵ (IJOP – 体化联合作战平台), управляемой Бюро общественной безопасности. IJOP собирает информацию из различных источников, таких как камеры видеонаблюдения, контрольно-пропускные пункты и автозаправочные станции, и интегрирует собранные данные с помощью искусственного интеллекта (ИИ). Система активно ищет “ненормальные” и “подозрительные” действия или поведение, что может привести к предупреждению властей и требованию дальнейшего расследования. Все уйгуры обязаны установить на свои мобильные телефоны приложение Clean Net Guard (净网卫士), которое фактически превращает каждый телефон в “старшего брата” в кармане.

³³ Первая кампания такого рода началась в 2014 году, когда 200 000 членов Коммунистической партии были направлены для наблюдения за мусульманским населением (HRW 2018b).

³⁴ Работникам, работающим в сфере эпидемиологического надзора, было выдано «Руководство по созданию пар и становлению семьей» (结亲周手册), доступное на сайте: <https://livingotherwise.com/wp-content/uploads/2018/10/%E2%80%9C%E5%9B%9B%E5%90%8C%E2%80%9D%E4%B8%89%E9%80%81%E6%B4%BB%E5%8A%A8%E6%89%8B%E5%86%8C.pdf>

³⁵ Human Rights Watch впервые сообщила об этой системе массовой слежки в феврале 2018 г., а исходные коды приложения указывают на то, что первая версия была выпущена уже в декабре 2016 г.

Усилия в массовом интернировании, осуществляемом китайским режимом, значительно облегчаются и оптимизируются за счет внутренних технологий наблюдения, которые становятся все более распространенными среди авторитарных режимов по всему миру. Компании, такие как Huawei, Hikvision, iFlytek и Dahua, наряду с множеством других китайских фирм, поставляют технологии наблюдения в Восточный Туркестан, что способствует системным нарушениям прав человека³⁶. Данные, генерируемые уйгурами, интегрируются в системы, основанные на искусственном интеллекте, которые управляют и регулируют социальную жизнь уйгурского населения, оказывая тем самым влияние на их повседневные действия и поведение.

Система слежки в Синьцзяне охватывает все уровни — от камер на стенах до чипов в мобильных устройствах и лиц уйгуров. Сканеры лиц и биометрические контрольно-пропускные пункты отслеживают их перемещения. Приложения для мониторинга записывают каждый бит данных, проходящий через их смартфоны (Byler 2019b).

В 2017 году китайский режим также начал собирать несколько типов биометрических данных у людей в возрасте от 12 до 65 лет под видом “медицинских осмотров”, включая ДНК, группу крови, отпечатки пальцев, сканирование радужной оболочки глаз, голосовые отпечатки и снимки лиц (HRW 2017). По данным Национальной комиссии по здравоохранению и планированию семьи Китая, 18,84 миллиона из примерно 21,8 миллиона жителей региона “воспользовались” бесплатными медицинскими осмотрами, другими словами, их биометрические данные были собраны³⁷.

С 2016 года китайский режим использовал различные термины для обозначения лагерей для интернированных, прежде чем остановиться на эвфемистическом выражении “Центры трансформации через образование³⁸” (TTECs, 变革教育中心). Этот всеобъемлющий термин применяется для описания различных типов учреждений, от центров содержания под стражей (看守所) и тюрем (监狱) до центров профессиональной подготовки (Grose 2019). Вот некоторые из использованных терминов: База преобразования через образование по деэкстремизации (去极端化教育转化基地), Центр подготовки по преобразованию через образование при Юридическом бюро (司法局教育转化培训中心), Центр подготовки по преобразованию через правовую систему (法制教育转化培训中心), Центр закрытого образования и подготовки (集中封闭教育培训中心), Школа преобразования через правовую систему и образование (法制教育转化学校), База подготовки по преобразованию через образование (教育转化培训基地), Центр преобразования через образование и коррекцию (教育培训转化及矫治中心), Центр подготовки по профессиональным навыкам (职业技能教育培训中心).

³⁶ В апреле 2018 г. сообщалось, что с 2016 г. Dahua и Hikvision получили более 1 миллиарда долларов США на создание комплексных систем наблюдения в Восточном Туркестане (Rollet 2018).

³⁷ https://web.archive.org/web/20200807010751/http://www.gov.cn/xinwen/2017-11/02/content_5236389.htm (in Mandarin). It is also indicated that the regime started collecting biometric data already back in September 2016.

³⁸ Более полный список см. Zenz (2019a, 106-112).

В августе 2018 года, после того как группа экспертов ООН по правам человека осудила массовое содержание более 1 миллиона уйгуров в массовых лагерях для интернированных (ABC 2018a), китайский режим изначально отверг любые подобные утверждения и отрицал существование лагерей для идеологической обработки (ABC 2018b). Однако спустя два месяца он начал характеризовать эти лагеря как безобидные центры профессиональной подготовки, в которых осуществляются обучение праву, мандаринскому диалекту и профессиональным навыкам³⁹ (Zenz 2019b). Тем не менее, попытки китайского режима по идеологической обработке значительной части уйгурского населения становятся очевидными в официальных документах: “Центры обучения профессиональным навыкам фактически выполняют функции по идеологической обработке людей, подвергшихся воздействию экстремистских религиозных идеологий “трех сил” ” (цит. по: Zenz 2019b).

Основываясь на китайских официальных документах, а также на тендерах на государственные закупки и объявления строительных компаний, можно выделить до восьми типов объектов для интернированных, которые затем могут быть отнесены к трем категориям: преобразование через образовательные лагеря; правовая система «школы» (лагеря); и лагеря профессиональной подготовки для интернированных (Zenz 2019b). Стоит отметить, что, хотя технически правильнее называть эти лагеря для интернированных “концентрационными лагерями”, учитывая, что людей интернируют концентрированным образом, включая идеологическую обработку значительной части уйгурского населения в ограниченных пространствах, термин “концентрационный лагерь” не отражает полностью цели этих лагерей (там же).

По данным группы активистов “Китайские правозащитники” (2018), в 2017 году 13% всех обвинительных актов в Китае были вынесены в Восточном Туркестане, несмотря на то, что этот регион составляет всего 1,5% населения страны. Что касается количества арестов, то на Восточный Туркестан приходится 21% всех арестов в Китае. Эта официальная китайская статистика, наряду с другими растущими доказательствами, может служить показателем масштабов управляемой государством кампании по массовому интернированию.

В июне 2020 года немецкая новостная служба DW сообщила, что некоторые бывшие заключенные лагерей для интернированных изложили свидетельства о жестоком обращении, которому они подвергались. Они сообщили, что их принуждали выбрать из списка⁴⁰ один или несколько девиантных деяний, другими словами, “преступлений”, которые они якобы “совершили” до своего заключения⁴¹. Отсутствие реального судебного процесса во время заключения в лагерях является хорошо известным

³⁹ По данным государственного СМИ China Daily, <http://www.chinadaily.com/en/a/201810/17/WS5bc68c76a310eff303282c6f.html> или <https://archive.vn/Vf5LL>

⁴⁰ Этот список состоит из более чем 70 «девиантных» действий или предполагаемых преступлений, включая поездки или контакты с людьми за границей, но большинство из них связаны с религиозной принадлежностью, например, с молитвой или ношением паранджи. Этот список, вероятно, основан на пропагандистском буклете Коммунистической партии 2014 г. под названием «Основы выявления религиозно-экстремистской деятельности – 75 различных признаков религиозного экстремизма» (识别宗教极端活动(75种具体表现基础知识)).

⁴¹ «Китай осудил уйгуров на фиктивных судебных процессах в лагерях Синьцзяна» DW news, 8 июня 2020 г. <https://www.dw.com/en/china-convicts-uyghurs-in-sham-trials-at-xin-xinjiang-camps/a-53699982>

фактом. После того как интернированные выбирали “преступление” из списка, их подвергали имитационным процессам без какого-либо юридического представительства, что создавало видимость законного судебного разбирательства. Бывших интернированных заставляли выбирать свои “преступления” и признавать их, иначе они оставались в лагерях на неопределенный срок, что было стандартной угрозой. Одна из бывших интернированных сообщила, что ее приговорили к 2 годам лишения свободы за выезд за границу. Несмотря на абсурдность такого приговора, она считала себя везучей, поскольку другие интернированные получали наказания на срок до 6 или даже 10 лет. После международного осуждения и растущего освещения в СМИ, китайский режим, похоже, использует фиктивные судебные процессы, чтобы освободить несколько своих лагерей идеологической обработки, в то время как тюрьмы начинают разрастаться.

Начиная с конца 2018 года, появились убедительные доказательства того, что внесудебно интернированные в лагерях массового “перевоспитания” получали тюремные сроки, оставаясь в лагерях (Bunin 2019). Некоторые интернированные были освобождены через несколько месяцев или почти через два года после того, как им были назначены длительные сроки тюремного заключения, и это произошло благодаря настойчивой кампании их родственников или членов семьи за пределами Китая.

ПАТОЛОГИЗАЦИЯ УЙГУРСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Из официальных документов, таких как упомянутое руководство для работников надзора, ясно, что массовая кампания режима по интернированию в Синьцзяне патологизирует уйгурскую религиозность. Согласно одному из документов китайского правительства⁴², любой, кто заражен идеологическим “вирусом”, должен быть немедленно госпитализирован в центры трансформации через образование, т.е. идеологическую “больницу”, до того, как возникнет болезнь. Если вы беспокоитесь о стоимости всего этого процесса — правительство позаботится о вас, потому что это бесплатное предложение стационарного лечения. Официальный дискурс чреват языком патологии, который “обращается к долгой истории того, что антрополог Стеван Харрелл назвал “цивилизаторским проектом” Китая, рассматривающий людей на географической и культурной периферии Китая как низшие и, следовательно, заслуживающие колониального вмешательства” (Grose 2019). В руководстве для работников слежки явно присутствует спасительный дискурс режима: “Коммунистическая партия и правительство предприняли превентивные меры, чтобы спасти его, его семью и членов его семьи, чтобы он не стал на путь саморазрушения, не причинил вреда своей семье или обществу; что именно члены семьи не понимают? Разве они не должны быть благодарны партии?” (党和政府为了不使其走上毁灭的道路、避免伤害家庭、危害社会, 挽救了他、挽救了他的家庭, 家属还有什么想不通的呢?是不是应该感谢党?).

⁴² Доступно по ссылке: <https://archive.vn/jMKNKZ> (на мандаринском диалекте)

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ СЕМЕЙ

По различным оценкам от 1 до 3-х миллионов человек, в той или иной форме, находятся в лагерях массового интернирования, что впоследствии приводит к тому, что многие уйгурские дети лишаются одного или обоих родителей. Бесчисленное количество семей в Восточном Туркестане сталкиваются с принудительным разделением. В некоторых случаях, присмотр и ответственность за детей берут ближайшие родственники, однако китайский режим так или иначе направляет тысячи детей в фактические детские дома. Из-за широкомасштабной кампании массового интернирования, в лагеря отправляют не только родителей, но и других родственников семьи, что приводит к тому, что дети младшего возраста оказываются в “центрах по защите детей”, а дети старшего возраста могут попадать в государственные профессионально-технические учебные заведения, как сообщают местные жители из Урумчи и Кашгара (Feng, 2018b). Когда журналисты Associated Press посетили один детский сад с “огороженной стеной, обнесенной колючей проволокой” в Хотане, где, как предполагалось, содержался один из четырех детей одного уйгурского “информатора”, журналистам не позволили выполнить свою работу по расследованию, а также им было приказано удалить все фотографии, сделанные вооруженной полицией (Wang & Kang, 2018).

В официальном документе⁴³, местное самоуправление Кашгара заявляет о том, что дети, достигшие 4-го класса и старше, а родитель (родители) были отправлены в лагеря для интернированных, должны при первой же возможности отправиться в школы-интернаты, даже если один из родителей находится дома. В документе также говорится о необходимости проведения разнообразных “образовательных” мероприятий: в начальных школах прививаются и воспитываются основные ценности социализма; в средних школах должны быть привиты 75 признаков религиозного экстремизма; в старших классах прививается пример юридического образования. Одна из таких школ, средняя школа № 4 в уезде Пейзиват (伽师县), была обнесена колючей проволокой вокруг школьного комплекса и общежитий, как отмечают журналисты Associated Press (Wang & Kang, 2018). “Образовательные цели вторичны по отношению к политическим целям. Они нацелены на то, чтобы растворить лояльность к этнической идентичности... на пути к национальной идентичности”, — сказал профессор Тимоти Гроуз в интервью Associated Press (там же).

Опираясь на широкий спектр источников, от официальных документов и отчетов, а также статей китайских государственных СМИ, до директив государственной политики, А.Зенц (Zenz 2019c) представляет убедительные доказательства, доказывающие существование крупномасштабных, управляемых государством различных типов “разделения поколения” (т.е. разделения семей). В предвидении того, что множество детей останется без присмотра после интернирования их родителей в рамках масштабной кампании, китайский режим создал обширную сеть государственных учреждений и

⁴³ «Уведомление о дальнейшем совершенствовании управления образованием в системе школ-интернатов для учащихся, находящихся в трудном положении» (关于进一步做好困境学生寄宿制教育管理工作的通知) доступно по ссылке: <https://archive.cn/AMJxJ> (на мандаринском диалекте китайского языка).

школ-интернатов⁴⁴, способных принять почти всех детей различных возрастных групп. Эти учреждения обеспечены многочисленными мерами безопасности и ориентированы на интенсивное обучение уйгурских детей китайскому языку и культуре хань, что представляет собой систематическую и ускоренную ассимиляцию, поддерживаемую государственной пропагандой, с утверждением о выгоде для детей от разлуки семей. Режим также разработал комплексный план мер в чрезвычайных ситуациях для управления социально-экономическими и психологическими последствиями разлуки семей. Государственные школы обязаны следить за детьми интернированных родителей и предотвращать потенциальные инциденты. Кроме того, родственники и другие члены семей находятся под внимательным контролем государства. Некоторые документы свидетельствуют о том, что у многих детей, находящихся под опекой государства, один или оба родителя находятся в заключении в рамках массовых интернирований.

К маю 2019 года, в государственных школах-интернатах находилось по меньшей мере несколько десятков тысяч уйгурских детей, которые могут находиться под “государственной опекой” в будние дни, даже после освобождения их родителей из лагерей для интернированных. Все эти меры, в совокупности позволяют китайскому государству иметь больше времени на идеологическую обработку и китаизацию детей, чем у их родителей, что затрагивает основные элементы уйгурской идентичности: уйгурский язык, культура и традиции, а также исламское вероисповедание. “Данный подход явно не является случайным, а представляет собой целенаправленное усилие по “разрыву корней” и изменению структур тюркских меньшинств посредством принудительного социального переустройства”. В этой связи китайский режим движется к реализации своей долгосрочной цели — “целенаправленного культурного геноцида” (Zenz 2019c).

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД УЙГУРОВ

Принудительный труд, постепенно вводимый с лета 2018 года, стал очередной фазой усилий китайского режима по подавлению значительной части уйгурского населения. Согласно просочившемуся, китайскому внутреннему документу⁴⁵, как одна группа “обучающихся” завершает курс “перевоспитания” в лагерях массового интернирования, она должна быть трудоустроена, а на ее место поступает новая группа (结业一批就业一批). Промышленные зоны, выстроенные на территории Синьцзяна, часто окружены высокими стенами, колючей проволокой и оборудованы системами видеонаблюдения. Некоторые из этих зон расположены в непосредственной близости от лагерей идеологической обработки и трудоустраивают бывших интернированных (Buckley & Ramzy 2019).

Многие из тех, кто ранее подвергался интернированию, были освобождены из лагерей, но оказались в

⁴⁴ Строительство этой обширной сети государственного контроля было завершено в конце 2017 г., на три года раньше первоначально установленного срока, поскольку новый глава КПК Чэнь Цюаньго был переведен в Восточный Туркестан в 2016 году.

⁴⁵ Пункт № 20 в руководстве по эксплуатации лагерей массовой обработки интернированных в Восточном Туркестане, доступном по ссылке: <https://assets.documentcloud.org/documents/6558510/China-Cables-Telegram-English.pdf> (на английском языке) или в оригинале на мандаринском диалекте: <https://assets.documentcloud.org/documents/6558509/China-Cables-Telegram-Chinese.pdf>

плону и в различных формах принудительного труда (Zenz 2019d). Как сообщила *The New York Times* еще в 2018 году, “заключенным [из лагерей массового интернирования], направленным на фабрики, возможно, придется оставаться там на протяжении многих лет” (Buckley & Ramzy, 2018). В своем исследовании, основанном на документах китайского правительства, Zenz (2019d) вновь демонстрирует миру настойчивые усилия китайского правительства по уничтожению уйгурской идентичности, которые включают сочетание принудительного труда, разделения семей и социального контроля над уйгурскими семьями. Все эти меры осуществляются под предлогом “борьбы с бедностью”.

Программа принудительного труда осуществляется параллельно с лагерями массового интернирования, направленными на идеологическую обработку (Buckley & Ramzy 2019).

Zenz (2019d) в своем исследовании выделяет три ключевых механизма, по которым китайский режим подвергает значительную часть взрослого уйгурского населения и другие мусульманские меньшинства принудительному труду посредством идеологической обработки (политическая индоктринация и переосмысление религиозных взглядов) с различной степенью принуждения: 1) При наивысшем уровне принуждения, интернированные освобождаются из лагерей и направляются на принудительный труд на фабрики, расположенные в непосредственной близости от лагерей, или в прилегающие промышленные зоны, а затем могут быть перенаправлены на фабрики принудительного труда в своих родных регионах; 2) Ориентированные главным образом на сельское население в целом, трудоспособные взрослые сначала направляются на централизованные программы обучения, которые включают элементы реформы мышления и идеологическую обработку, а далее направляются на принудительный труд; 3) С учетом наиболее навязчивой цели социального реинжиниринга, оказывающей наиболее разрушительное воздействие на уйгурское общество, и сопровождающейся формой принудительного труда с относительно ограниченными прямыми доказательствами принуждения по сравнению с ранее упомянутыми методами, рабочие группы Коммунистической партии в деревнях “поощряют” жителей, особенно женщин, принимать постоянные рабочие места на фабриках различными способами, в то время как их дети помещаются в государственные учреждения для ухода и воспитания.

Несмотря на различные уровни принуждения, главной целью трех упомянутых выше механизмов к принудительному труду является удовлетворение “потребностей правительства в социальной стабильности” (政府出于维稳的需求) посредством реформы мышления и идеологической обработки со стороны Коммунистической партии, что подтверждается различными правительственными документами (Zenz 2019d).

В случае третьего механизма к принудительному труду, так называемые “спутниковые фабрики” в сельских населенных пунктах, как и другие фабрики принудительного труда в Восточном Туркестане, вероятно, будут оборудованы высокими мерами безопасности, такими как заборы, системы наблюдения и металлоискатели, согласно ранее доступным публичным объявлениям для строительных компаний, а также тендерным заявкам. Китайский режим, представляя эти меры, как часть программы “борьбы с бедностью”, способствует значительному разлучению детей с родителями в течение рабочих дней (там

же). Практически все спутниковые фабрики в деревнях имеют детские сады, куда могут ходить дошкольники, пока их родители работают на фабриках. Zenz (там же.) утверждает, что принудительный труд происходит в условиях, строго контролируемых государством, что значительно снижает взаимодействие в семье и, таким образом, уменьшает “межпоколенческую культурную, языковую и религиозную передачу”.

Согласно видеорепортажу *The New York Times*, большинство уйгуров и других мусульманских меньшинств, (но в большинстве уйгуры), были отправлены на принудительные работы из южной части Восточного Туркестана (например, из Кашгара и Хотана, где преобладает уйгурское население, в северные регионы, преимущественно заселенные ханьцами (например, в Куйтун). “На людей оказывается значительное давление, вынуждающее их заключать трудовые контракты. Угроза лагерей служит постоянным фактором давления, вследствие чего фактическое сопротивление принудительному распределению на фабричную работу отсутствует”, — говорит Даррен Байлер, эксперт по Восточному Туркестану (там же). В видео один из работников рассказывает, что теперь зарабатывает лишь треть от того, что получал на юге, в родных местах. Один казахский рабочий по имени Ержан подтверждает эксплуатацию, заявляя, что “[он] работал на конвейере 53 дня и заработал в общей сложности 300 юаней (около \$40)” (Byler, 2019c). “Цель фабрик, связанных с лагерями интернирования, заключается в том, чтобы превратить казахов и уйгуров в покорный, но производительный люмпен класс, не обладающий социальными правами, предоставляемыми полноправному рабочему классу” (там же).

“Правительственные документы открыто хвалятся тем, что трудовые ресурсы, предоставляемые обширной сетью лагерей для интернированных, привлекают множество китайских компаний к созданию производственных мощностей в Синьцзяне [т.е. Восточном Туркестане], способствуя достижению целей экономического роста в рамках Инициативы “Один пояс, один путь” (Zenz 2019d). В условиях дефицита кадров для выполнения низкоквалифицированной фабричной работы в восточных регионах Китая, Восточный Туркестан представляет собой регион, предлагающий не только государственные субсидии и значительные налоговые льготы, но и дешевую рабочую силу (Buckley & Ramzy 2019).

Согласно недавнему отчету Австралийского института стратегической политики (Xu et al., 2020), в период с 2017 по 2019 годы свыше 80 000 уйгуров были переселены из Восточного Туркестана в другие регионы Китая и направлены на работу на различные предприятия в рамках программы правительства Китая по трудовой миграции “Помощь Синьцзяну” (援疆)⁴⁶. В отчете установлено, что 27 фабрик в 9 провинциях Китая использовали принудительный труд уйгуров для производства товаров для 83 международных брендов, включая Apple, Nike⁴⁷, Gap и Sony. Ввиду тесной связи данной программы с

⁴⁶ Отправка молодых уйгуров на работу в Китай может изменить их мышление и отдалять их от религиозного экстремизма, говорится в одном из докладов местных властей <https://archive.ph/FN4bt> (на мандаринском диалекте китайского языка).

⁴⁷ The Washington Post сообщает о поставщике обувной фабрики Nike, запятнанном принудительным трудом уйгуров, см. https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/china-compels-ughurs-to-work-in-shoe-factory-that-supplies-nike/2020/02/28/ebddf5f4-57b2-11ea-8efd-0f904bdd8057_story.html

кампанией массовых интернаций в Восточном Туркестане, у перемещенных уйгуров практически отсутствует возможность отказаться от участия, так как любое сопротивление, с высокой долей вероятности, может привести к их отправке в лагерь для интернированных.

19 июля 2020 года газета *The New York Times* опубликовала новое расследование, которое выявило использование принудительного труда уйгуров в рамках спорной государственной программы передачи рабочей силы, известной как “смягчение бедности”. Эта программа была применена рядом китайских компаний, занимающихся производством средств индивидуальной защиты (СИЗ), чтобы удовлетворить растущий внутренний и международный спрос⁴⁸ на фоне продолжающейся пандемии COVID-19. По состоянию на 30 июня 2020 года более 17 компаний из 51, функционирующих в Восточном Туркестане, принимали участие в этой принудительной программе передачи рабочей силы. Кроме того, *The New York Times* также смогла отследить и выявить несколько других компаний, расположенных в различных регионах Китая, включая провинцию Хубэй, которые использовали принудительный труд уйгуров для производства средств индивидуальной защиты.

ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА КИТАЙСКОГО РЕЖИМА: ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ КОНТРАЦЕПЦИЯ, СТЕРИЛИЗАЦИЯ И АБОРТЫ

Китайский режим, наряду с массовым интернированием в Восточном Туркестане, продолжает совершать преступления против человечности, систематически подавляя рождаемость среди уйгуров. При этом, власти поощряют ханьское большинство иметь больше детей. Хотя агентство Associated Press сообщило об этой экстренной новости 29 июня 2020 года, основанной на убедительных доказательствах, целенаправленные меры государства против роста уйгурского населения не являются чем-то новым для уйгуров, поскольку подобные сообщения циркулировали, однако в основном среди самих уйгуров. С середины 1990-х годов женщины уйгурской национальности подвергаются принудительным абортam и стерилизации, особенно на юге Восточного Туркестана, где в большинстве проживает уйгурское население.

Например, в Хотане, принудительное регулирование рождаемости и принудительные аборты были постоянной практикой китайского режима на протяжении многих лет, до начала массовой кампании по интернированию (т.е. до 2016 года). Местные власти требовали, чтобы всем уйгурским женщинам вставляли внутриматочные контрацептивы (ВМС) после рождения первого ребенка. Уйгурским семьям необходимо было подавать заявление в местное правительство, чтобы временно удалить⁴⁹ ВМС, если они хотели иметь второго ребенка. В деревнях, уйгурских женщин почти всегда принуждают вставлять ВМС

⁴⁸ Видеорасследование, в котором «Китай использует уйгурский труд для производства масок для лица», обновлено 13 августа 2020 г. <https://www.nytimes.com/2020/07/19/world/asia/china-mask-forced-labor.html>

⁴⁹ Китайские ВМС могут быть удалены только хирургическим путем одобренными государством практикующими врачами, в то время как все другие несанкционированные изъятия будут наказываться тюремным заключением и штрафами (Zenz 2020a, 14).

после рождения первого ребенка, в то время, как в городах, хотя это может и не быть принудительным⁵⁰, женщинам угрожают потерей работы, если они родят третьего ребенка. Вне зависимости от места проживания (деревня или город), уйгурские семьи обязаны платить огромные штрафы (по сравнению с их уровнем дохода) за рождение более двух детей. При этом, третий или четвертый ребенок часто оказывается без гражданства, несмотря на то, что родители заплатили штрафы. Кроме того, многие уйгурские женщины, работающие в государственном секторе, вынуждены делать аборт, если у них больше 2-х детей.

Расследование Associated Press (2020), совместно с исследованиями доктора А. Зенца (Zenz 2020a), основанные на системном анализе статистических данных китайского правительства и различных первоисточников, подтвердило свидетельства уйгуров о принудительной контрацепции и абортах.

“Китайское государство регулярно подвергает женщин из числа меньшинств проверкам на беременность и принуждает к установке внутриматочных спиралей, проводит стерилизации и даже аборт для сотен тысяч, как показывают интервью и данные” (The Associated Press, 2020). В период с 2015 по 2018⁵¹ год финансовая поддержка Пекином контроля над рождаемостью оказала драматическое влияние на Восточный Туркестан: в южных преимущественно городах Хотан и Кашгар уровень рождаемости снизился не менее чем на 60%, а в 2019 году по всему Восточному Туркестану уровень рождаемости упал почти на 24%, в то время как национальный уровень рождаемости в Китае снизился всего на 4,2% (там же). Принцип равного обращения отсутствует при китайском правлении в Восточном Туркестане, поскольку уйгуры и другие меньшинства наказываются вышеупомянутыми способами, а также возможному интернированию за слишком большое количество детей (Zenz, 2020a), в то время как ханьские китайцы не сталкиваются ни с одним из этих наказаний, за исключением уплаты штрафов в случае выявления нарушения. В уезде Каракаш наиболее распространенной причиной внесудебного интернирования было слишком много детей, и, согласно просочившемуся правительственному документу, 149 из 484 интернированных были заключены именно по этой причине (Zenz, 2020b; Associated Press, 2020).

После отправки в лагеря для интернированных уйгурских женщин подвергают принудительному введению внутриматочных спиралей (ВМС), принудительному приему противозачаточных таблеток и инъекциям контрацептивов, в то время как некоторые из тех, кому удалось бежать из страны, позже обнаруживают, что они стали бесплодными (The Associated Press, 2020; Nikkei Asian Review, 2019). Бывшие интернированные также рассказали о случаях принудительного аборта, который проводился в лагерях для интернированных, где им говорили, что аборт будет сделан в случае положительного результата теста на беременность (The Associated Press, 2020).

⁵⁰ Касается, по крайней мере, уйгурских государственных служащих и тех, кто работает в государственных секторах.

⁵¹ За тот же период времени в Восточном Туркестане было зарегистрировано в 7,8 раза больше установок ВМС (за вычетом удалений) на душу населения, чем в среднем по стране в Китае (Zenz 2020a, 14).

С 2017 года режим начал активно бороться с незаконными рождениями, стремясь наказать за нарушения, начавшиеся еще в 1990-х годах. Это привело к резкому росту числа судебных преследований за нарушения, связанные с контролем над рождаемостью, которые сопровождались внесудебным интернированием, по крайней мере, в трех округах⁵² (Zenz, 2020a, с. 10-11). В округах, где проживают меньшинства, часто применялись двойные наказания: сначала преследовались нарушения контроля над рождаемостью, а затем нарушителей заставляли проходить процедуры введения внутриматочных спиралей (ВМС) или стерилизации (там же, с. 12).

В 2014 году число женщин, перенесших установку внутриматочных спиралей (ВМС) в Восточном Туркестане, превысило 200 000. Однако к 2018 году это число возросло до 330 000, что составляет примерно 65 процентов роста, в то время как в других частях Китая наблюдалось увеличение числа женщин, удаляющих ВМС (The Associated Press, 2020).

Согласно правительственным данным по контролю рождаемости, в период с весны 2017г. по осень 2018г. почти 74% замужних женщин в 12 сельских и городских районах округа Кок-Гумбез получили внутриматочные спирали (ВМС), причем у половины из них был только один ребенок. В 2018 году 80%⁵³ всех новых установок ВМС (за вычетом удалений) в Китае, произошли в Восточном Туркестане, несмотря на то, что этот регион составляет всего 1,8% населения Китая (Zenz, 2020a, с. 14).

К 2019 году более 80% женщин детородного возраста в четырех префектурах меньшинств на юге Восточного Туркестана должны были подвергаться принудительной контрацепции длительного действия (Zenz, 2020a, с. 12-13). С помощью программ планирования семьи региональное правительство в префектуре Кызылсу стремится достичь целевого показателя рождаемости в 1,05 промилле (т.е. 1,05 на тысячу) к 2020 году (там же, с. 9)⁵⁴. Стоит отметить, что ВМС могут вызывать сильную боль и дискомфорт, включая регулярное вагинальное кровотечение, и те, кто смог удалить их после многих лет дискомфорта, вероятно, стали бесплодными, поскольку ВМС могли повредить их матки (RFA, 2020с).

В прошлом, в Восточном Туркестане процедуры стерилизации не проводились в широких масштабах, сравнимых с последующими годами. Начиная с конца 2017 года, многие местные документы по планированию семьи демонстрируют усилия китайского режима по предоставлению бесплатных процедур стерилизации, а также установлению официальных целей. В 2018 году 1,1% всех замужних женщин в

⁵² В уезде Цимохэо (Цемо) в Баянгольском округе (Bayingol) в качестве наказания для нарушителей вводится обязательное долгосрочное использование противозачаточных средств, а также интернирование; 2) В политике контроля рождаемости 2019 года, округ Нилка в Илийском округе направлял тех, кто отказывался прервать свои "незаконные" беременности, в внесудебные лагеря для интернированных; 3) В директиве начала 2018 года, округ Чапчал в Илийском округе также отправлял нарушителей, которые отказывались платить штрафы, в лагеря для интернированных.

⁵³ В 2014 году этот процент составлял 2,5%.

⁵⁴ Для сравнения: в 2018 и 2019 гг. естественный прирост населения в Кызылсу составил 19,66% и 8,18% соответственно. Zenz (2020a, 10) отмечает, что темпы роста в 2018 году были намного ниже ожидаемого официального целевого показателя, что было связано не только с массовым интернированием режима, но и со все более жесткими мерами контроля рождаемости.

Восточном Туркестане были стерилизованы (Zenz, 2020a, с. 17). Согласно официальным документам, в 2019 году планировалось стерилизовать 34,3% всех замужних женщин в Хотане и 14,1% в уезде Гума, при этом в 2020 году продолжалось значительное государственное финансирование (там же). В 2018 году, местное правительство запустило кампанию по “бесплатным операциям по контролю рождаемости”, намереваясь подвергнуть сельское население массовой стерилизации, с достаточным финансированием для проведения сотен тысяч процедур перевязки маточных труб⁵⁵ и стерилизации (там же, с. 2, 15). Zenz (там же, с. 18) отмечает, что на основе официальных первоисточников⁵⁶, существует высокая вероятность того, что имеет место управляемая государством массовая стерилизация женщин с тремя и более детьми.

Примером жестоких методов, применяемых к уйгурским женщинам, является случай Зумрат Давут, которая подверглась стерилизации путем перевязки маточных труб. В 2018 году Давут провела более двух месяцев в лагере для интернированных, и её страдания могли бы продлиться гораздо дольше, если бы её муж не оказывал давление на пакистанских дипломатов, как сообщает Washington Post (Rauhala & Fifield, 2019). После освобождения, Зумрат Давут была вынуждена отречься от своей религии и подписать документы, обязывающие ее не разглашать информацию о том, что происходило в лагере. Кроме того, ей пришлось уплатить штраф в размере 2500 долларов за то, что у неё было трое детей вместо двух. Позже китайское правительство предложило ей бесплатную процедуру стерилизации. Несмотря на то что она была напугана и уязвима, отказ от процедуры был невозможен из-за страха перед возможным повторным интернированием. 22 октября 2018 года ей была проведена необратимая хирургическая стерилизация.

Принудительные аборты, осуществляемые государством, также имеют место в Восточном Туркестане, где китайский режим предписывает медицинским учреждениям проводить такие процедуры. В августе 2020 года Радио Свободная Азия (RFA, 2020с) сообщило, что китайская политика планирования семьи ограничивает количество детей, которых могут иметь уйгуры и другие меньшинства: в городах им разрешено иметь двух детей, тогда как в сельской местности — троих. Хасиет Абдулла, акушер, проработавшая более 15 лет в различных больницах Восточного Туркестана, сообщила, что согласно установленным требованиям, между двумя родами должен быть период ожидания не менее трех лет. Это означает, что уйгурские женщины должны ждать как минимум три года после рождения первого ребенка, чтобы иметь возможность родить второго. Строгое соблюдение этих требований политики контроля над рождаемостью привело к значительному числу абортов, включая аборты на поздних сроках беременности, а в некоторых случаях и к детоубийствам (т.е. убийствам доношенных новорожденных). В ряде случаев медицинские работники в родильных отделениях исполняли приказы⁵⁷, не передавая новорожденных

⁵⁵ Хирургическая процедура, при которой обе фаллопиевы трубы либо блокируются/перевязываются, либо разрезаются, а в случае уйгурских женщин трубы обычно разрезаются под эгидой китайского правительства, что значительно усложняет возможность её обратимости (RFA 2020с).

⁵⁶ Например, одна правительственная таблица озаглавлена «Планирование семьи в Юго-Восточном Туркестане (Синьцзян) четыре региона и префектуры—Положение семей, реализация мер по стерилизации путем перевязки маточных труб» (新疆四地州计划生育家庭落实结扎措施情况表) (Zenz 2020a, 18).

⁵⁷ Больницы вынуждены исполнять распоряжения коммунистической партии в соответствии с широко распространенными официальными документами. По словам Х. Абдуллы, несоблюдение требований влечет за собой к штрафам, поэтому больницы соблюдают правила.

родителям. По словам Хасиет Абдуллы, “новорожденные не отдаются родителям — их убивают сразу после рождения”.

В Восточном Туркестане каждая больница располагает специализированным отделением планирования семьи, которое выполняет функции мониторинга всех беременностей и контроля за установкой внутриматочных спиралей (ВМС). Кроме того, это отделение наблюдает за беременными женщинами, проверяя соблюдение требований контроля рождаемости, таких как правило о трехлетнем интервале между родами. Согласно сообщению государственного новостного издания Urumchi News Online, бывший руководитель отдела планирования семьи Чэнь Яньчунь из больницы для женщин и детей в Урумчи сообщил, что в больнице в среднем проводится от 30 до 60 принудительных аборт. Это свидетельствует о систематическом применении принудительных абортов в рамках государственной политики контроля рождаемости (RFA, 2020c).

Шахиде Ярмухаммет, уйгурка, которая работала в местном отделе планирования семьи в новом городском районе Урумчи (新市区) с 1996 по 2011 год, подтвердила точность утверждений Абдуллы. Она указала, что строгая реализация политики планирования семьи поддерживается на всех административных уровнях как в городских, так и в сельских районах, где нарушения данной политики часто сопровождаются принудительными абортами. Кроме того, требуется предоставление официального заявления от супружеской пары, желающей завести ребенка, что свидетельствует о систематическом подходе к контролю рождаемости (RFA, 2020c).

Радио “Свободная Азия” задокументировало случаи принудительных абортов в Восточном Туркестане, начиная по крайней мере с 2005 года. Недавнее интервью с уйгурской женщиной по имени Бумерьем, ныне проживающей в Турции, раскрывает, что она подверглась принудительному аборту еще в 2004 году, находясь на пятом месяце беременности четвертым ребенком. Она отметила: “Если бы мой ребенок, который был абортирован, был жив сегодня, ему было бы 15 лет” (там же). В послеоперационной палате Бумерьем познакомилась с другими женщинами, также подвергшимися принудительным аборт на разных сроках беременности, включая доношенные беременности. За последние несколько десятилетий выражения недовольства политикой планирования семьи китайским режимом сознательно ассоциировались с обвинениями в “сепаратизме” и “экстремизме” (там же).

Вскоре, после публикации исследования доктора Адриана Зенца (Zenz, 2020a)⁵⁸ о систематическом подавлении рождаемости среди уйгуров, местные чиновники Коммунистической партии в поселке Суйдунг, расположенном в уезде Коргас префектуры Или, предупредили жителей о возможных визитах как китайских, так и иностранных инспекторов. Им грозили штрафы или интернирование в лагерь, если они осмелятся раскрыть правду о политике планирования семьи (RFA, 2020d). Офицер местной полиции и председатель районного комитета подтвердили Радио Свободная Азия (RFA), что проводились подготовительные мероприятия, включая инструктаж местных жителей о том, как следует отвечать на

⁵⁸ Исследование А. Зенца было впервые опубликовано 28 июня 2020 г. и обновлено 21 июля того же года.

вопросы, касающиеся политики планирования семьи и лагерей для интернированных. В частности, если их спросят о наличии ВМС, они должны будут ответить отрицательно “нет”. (там же).

МЕТОДОЛОГИЯ

Уйгуры и другие тюркские меньшинства, бежавшие из Восточного Туркестана, проживают в различных регионах мира, что усложняет процесс сбора данных. В связи с этим мы приняли решение о сборе большинства данных посредством нашей онлайн-платформы⁵⁹. В дополнение к этой многоязычной платформе, лица могут также обращаться к нам напрямую через популярные мобильные коммуникационные приложения, по телефонной связи или по электронной почте. Используя вышеуказанные средства связи, мы стремимся охватить как можно большее количество жертв. Более того, наш менеджер проекта провел специализированные поездки⁶⁰ в ряд европейских стран с целью оказания помощи тем жертвам, которые не имели возможности предоставить свидетельства посредством нашей онлайн-платформы; другими словами, мы провели с ними ряд личных интервью.

Наша онлайн-платформа называется Uyghur Transitional Justice Database (UTJD), и ее основная цель заключается в сборе свидетельств и других актуальных данных, в отношении продолжающейся геноцидной политики китайского режима. Мы принимаем строгие меры для обеспечения безопасности наших данных, которые хранятся в офлайн-хранилище. Несмотря на существующий контроль китайского режима над информационным потоком внутри страны, мы стремимся верифицировать личности участников и достоверность представленных сведений о пропавших без вести и внесудебно интернированных в Восточном Туркестане. Кроме того, мы осуществляем защиту идентичности информирующих и свидетелей, для предотвращения возможных случаев репрессий со стороны китайского режима в отношении их семей или родственников, находящихся на родине в Восточном Туркестане.

Процесс сбора данных осложняется тем, что многие из свидетельствующих испытывают затруднения в установлении базовой информации о пропавших или интернированных: времени, местонахождении и причинах их задержания. Учитывая эти сложности, Uyghur Transitional Justice Database (UTJD) разработала и продолжает реализовывать меры, направленные на поддержку свидетельствующих, обеспечивая им полный доступ к своим данным. Более того, предусмотрена возможность удаления и обновления этих данных в зависимости от изменений в ситуации.

Дополнительно, мы оказываем поддержку свидетельствующим в подготовке аудио и видео свидетельств. Эти свидетельства, в свою очередь публикуются на наших платформах в социальных сетях с добавлением английских субтитров. В этом контексте мы предварительно запрашиваем согласие на публикацию, и, в соответствии с установленной практикой, свидетельствующие имеют право отозвать свое согласие в любой момент. Для тех лиц, которые по каким-либо причинам не могут предоставить

⁵⁹ <https://www.utjd.org/>

⁶⁰ Из-за пандемии COVID-19 некоторые поездки были отложены.

свидетельства через наши цифровые каналы, предусмотрены возможности проведения личных интервью. Данные, обработанные с согласия на публичное использование, могут быть переданы другим правозащитным организациям, а также различным государственным учреждениям, таким как *Рабочая группа по насильственным или произвольным исчезновениям* (Working Group on Enforced or Involuntary Disappearances).

ИНФОРМАЦИЯ ИЗ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ

Мы собираем информацию, находящуюся в открытом доступе на различных платформах социальных сетей, которая изначально будет обозначаться как неподтвержденная. Многие свидетели используют социальные медиа для публикации своих свидетельств. Обычно свидетельства предоставляют члены семьи, друзья или коллеги. Мы постараемся установить контакт с соответствующим лицом и подтвердить наличие свидетельства. После этого статус собранных данных будет изменен на подтвержденный. Следующим шагом является проверка достоверности собранных данных, что представляет собой отдельную задачу из-за строгого контроля информации, осуществляемого китайским режимом в Восточном Туркестане.

РЕПОРТАЖИ В СМИ И УТЕЧКА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ЗАПИСЕЙ И ДОКУМЕНТОВ

Мы также используем обширные репортажи, опубликованные различными авторитетными новостными изданиями, включая репортажи с места событий и их журналистские расследования. Сбор данных такого рода в основном классифицируется как подтвержденная/верифицированная.

ФОРМЫ ОНЛАЙН-РЕГИСТРАЦИИ UTJD

Любое лицо, пострадавшее от обширной сети лагерей для интернированных в Восточном Туркестане, может предоставить свидетельство, посетив базу данных UTJD и заполнив различные формы, доступные на нескольких языках, распространенных среди уйгуров и других тюркских народов Восточного Туркестана и соседних стран Центральной Азии. Формы содержат ключевые элементы информации, которые способствуют проведению глубокого анализа данных, при этом не требуя от свидетелей обязательного заполнения всех полей. Наша команда свяжется с указанным лицом для запроса дополнительной информации с целью подтверждения и верификации предоставленных данных.

ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ

Некоторые интервью и сбор данных осуществляются посредством Skype и телефонных звонков, что составляет часть нашего процесса сбора свидетельств. Этот метод сбора данных обеспечивает более высокую степень точности, поскольку мы непосредственно запрашиваем информацию у свидетелей, что позволяет классифицировать собранные данные как подтвержденные и проверенные.

ЛИЧНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

В целях обеспечения участия части свидетелей мы осуществляем поездки в различные страны Европы для проведения личных интервью. Также мы открыты для сотрудничества с местными волонтерами, которые могут проводить подобные интервью в соответствии с нашими методическими рекомендациями. Свидетели имеют возможность предоставлять информацию в письменной или цифровой форме. Мы также оказываем поддержку свидетелям в записи их свидетельств в аудио- или видеоформате. Наша команда будет периодически планировать подобные поездки в зависимости от необходимости, однако это зависит от наших ресурсов.

СБОР ДАННЫХ НА БУМАГЕ

В связи с возрастающим уровнем преследования в различных формах, осуществляемым китайским режимом, а также угрозами цифрового наблюдения, многие уйгуры в диаспоре выражают опасения по поводу предоставления свидетельств с использованием наших онлайн-платформ. В этой связи возможно также предоставление свидетельств в письменной форме.

НИКТО НЕ ЗАСТРАХОВАН: АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ БАЗЫ ДАННЫХ УЙГУРСКОГО ПРАВОСУДИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Настоящий анализ основан на данных, предоставленных Uyghur Transitional Justice Database, базирующейся в Норвегии.

Основной состав нашего набора данных по интернированным выглядит следующим образом:

243 или 15,4%, составляют женщины; 1,337 или 84,6%, — мужчины; статус 13 неясен (всего 1,593).

Профессия	Количество	Соотношение
Актер/Актриса	18	3.52%
Архитектор	1	0.20%
Астроном	1	0.20%
Писатель	13	2.54%
Мясник	1	0.20%
Шеф-повар/повар	3	0.59%
Дизайнер	5	0.98%
Доктор	19	3.71%

Инженер	11	2.15%
Рабочий фабрики	1	0.20%
Фермер	19	3.71%
Парикмахер	3	0.59%
Журналист	8	1.56%
Адвокат	6	1.17%
Лектор	6	1.17%
Библиотекарь	2	0.39%
Медсестра	3	0.59%
Фармацевт	1	0.20%
Фотограф	2	0.39%
Полицейский	6	1.17%
Риэлтор	1	0.20%
Ученый	1	0.20%

Секретарь	1	0.20%
Портной	3	0.59%
Водитель такси	2	0.39%
Учитель	68	13.28%
Бухгалтер	5	0.98%
Бизнесмен	52	10.16%
Государственный служащий	20	3.91%
Ремесленник	1	0.20%
Редактор	44	8.59%
Недавний выпускник	1	0.20%
Судебная система	5	0.98%
Лингвист	3	0.59%
Начальник отдела (в рамках провинциального правительства)	2	0.39%

Поэт	14	2.73%
Профессор	18	3.52%
Священник	22	4.30%
Исследователь	12	2.34%
Спортсмен	2	0.39%
Студент	99	19.34%
Деревенский коммунистический кадровый работник	2	0.39%
Веб-мастер	5	0.98%
Итог	512	100.00%

Образование	Количество
Степень бакалавра	298
Младший колледж профессиональной подготовки (大专)	8

Старшая школа	76
Степень магистра	7
Средняя школа	98
Без образования	10
Кандидат наук	20
Начальная школа	54
Профессор	16
Итого	587

Как показывают приведенные выше таблицы, 162 человека имеют начальное или среднее образование, либо вовсе не имеют образования, в то время как более 300 человек обладают университетской степенью. Однако следует отметить, что эта выборка может быть нерепрезентативной, так как данные о квалификации известны лишь для 1/3 общего объема информации.

Средний возраст женщин составляет 44 года, мужчин — 38,3 года, тогда как для всей выборки этот показатель равен 39 годам. При этом следует отметить, что данные о возрасте были получены лишь для 1 017 человек из 1 593.

30 лет и младше: 256 человек

31-40 лет: 342 человека

41-50 лет: 251 человек

51-60 лет: 116 человек

61 год и старше: 52 человека

Как указано выше, 586 человек, или 57,6% от общего объема данных, находятся в возрасте 35 лет и старше, что свидетельствует о том, что эти интернированные не относятся к возрастной категории, которая обычно получает профессиональную подготовку в Восточном Туркестане.

Региональное распределение интернированных представлено ниже:

Город	Количество зарегистрированных
Аксу	39
Атуш	32
Бортала	1
Кульджа	80
Хотан	31
Корла	26
Карамай	9
Кашгар	136
Кумул	3
Санджи	2

Турфан	28
Урумчи	193
не определено	1013
Итог	1593

В собранных данных лишь для 1/3 интернированных было известно место их интернирования. Учитывая, что выборка данного набора данных не является случайной, она может не отражать общую географическую картину интернирования в Восточном Туркестане. Более высокая представленность Урумчи может быть обусловлена тем, что было собрано больше информации о интернированных из данного региона, что, в свою очередь, может объясняться лучшей доступностью информации или другими факторами, влияющими на сбор данных.

Из 1,503 человек, задержанных / интернированных в 2016 году или позже (или для которых дата ареста неизвестна), только 69 человек указаны как освобожденные. Следует отметить, что эта переменная является проблематичной, так как задержанные и интернированные могут быть освобождены без уведомления их родственников за пределами Китая. Даже в таком случае известный уровень освобождения остается крайне низким, составляя всего 4,6%.

Религиозный статус задержанных / интернированных известен лишь для около 1/3 из них. Из 658 человек, для которых эта информация зарегистрирована, 54 классифицируются как не практикующие или нерелигиозные, 532 — как практикующие, и 71 — как религиозные ученые. Однако точное определение термина «практикующий» остается неопределенным, и большинство уйгуров может быть отнесено к этой категории. Тем не менее, доля религиозных ученых представляется достаточно высокой.

Из 545 человек, для которых указаны навыки владения китайским языком, 131 человек имеют лишь базовые навыки или не владеют языком совсем, в то время как около 1/3, или 168 человек, свободно владеют китайским. Это явно указывает на то, что в лагерях находятся множество людей с высоким уровнем образования или с хорошими / исключительными навыками владения китайским языком, а также на наличие обоих этих факторов одновременно.

Что касается состояния здоровья, данные о нем зарегистрированы лишь для 379 человек, из которых большинство (299) были признаны здоровыми. Вероятно, это зависит от возраста, поскольку среди

задержанных присутствует значительное число пожилых людей.

В целом, данный набор данных в значительной степени подтверждает наши существующие знания о том, что лагеря не предназначены исключительно для молодых людей с низким уровнем образования или безработных, но также содержат значительные доли людей, которые являются или соответствуют некоторым из следующих категорий:

- Среднего или пожилого возраста
- Образованных
- Обладающие стабильной профессиональной занятостью
- Хорошо владеющих китайским языком

Вопреки пропагандистским изображениям, подавляющее большинство задержанных и интернированных составляют мужчины, часто среднего возраста. Это соответствует другим данным, указывающим на то, что кампания интернирования, проводимая китайским режимом, в первую очередь нацелена на глав семей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая ограниченность наших ресурсов в процессе сбора данных, а также жесткий контроль Китая над потоком информации в целом, в нашей базе данных существует определенная степень недостаточности. Тем не менее, даже при наличии этих ограничений, наш анализ отражает известные аспекты политики массового интернирования, осуществляемой китайским режимом. Китай называет лагеря интернирования в Восточном Туркестане “центрами перевоспитания”, однако, согласно известной информации об образовательном уровне 1/3 всей нашей выборки, более 300 интернированных имеют высшее образование, что ярко свидетельствует о ложности заявлений режима относительно этой кампании.

Средний возраст интернированных в нашей базе данных составляет 39 лет, что свидетельствует о том, что значительная часть данных лиц не относится к категории, которая обычно привлекается для участия в “программах профессионального обучения”. Уровень освобождения интернированных остается на критически низком уровне - всего 4,6%. Кампания интернирования, проводимая китайским режимом, направлена также на подавление религиозной активности уйгуров. Однако, на основании имеющихся данных о религиозной принадлежности (т.е. доступных только для 1/3 базы данных), 54 интернированных были зарегистрированы как нерелигиозные или не практикующие. Этот факт указывает на то, что целевая группа включает лиц, чьи религиозные убеждения не требуют “перевоспитания”.

Еще одним аспектом кампании по “перевоспитанию” является изучения мандаринского диалекта китайского языка. Согласно имеющимся данным о владении языком среди 545 интернированных в нашей базе данных, 168 человек обладают высоким уровнем владения мандаринским диалектом, что противоречит одной из основных целей кампании режима по “перевоспитанию”. Более того, наши данные подтверждают широко известный факт: в основном интернированию подвергаются мужчины, являющиеся главами семей. На основании собранных данных можно с уверенностью утверждать, что кампания интернирования не выделяет какие-либо демографические группы уйгуров по уровню образования или владению китайским языком — ни один уйгур не застрахован от массовых интернирований, проводимых китайским режимом.

Главной целью всех китайских государств, начиная с позднего периода Цинской империи, неизменно оставалась интеграция Восточного Туркестана в состав остальной части Китая, хотя реализация данного намерения неоднократно прерывалась. Репрессии в отношении уйгуров и других этнических меньшинств, рассмотренные в данном отчете, следовали за идеологическими трансформациями, происходившими в рамках различных режимов, базировавшихся в Китае. В период правления Си Цзиньпина данные репрессии в отношении коренного населения Восточного Туркестана достигли беспрецедентного уровня интенсивности.

С 1949 года Китайская Народная Республика, с различной степенью интенсивности, проводит интеграционные и репрессивные политики, направленные на ассимиляцию уйгуров и других меньшинств в социокультурную ткань ханьского большинства. Эти меры включают в себя государственно организованную иммиграцию ханьцев в Восточный Туркестан; ограничения на религиозные свободы и деятельность (Bovingdon 2010, 129); упразднение уйгурского языка в качестве языка преподавания в школах и других образовательных учреждениях (Dwyer 2005; Schluessel 2007; Byler 2019a); отсутствие значительных усилий со стороны государства по борьбе с трудовой дискриминацией в отношении уйгуров (Besquelin 2004b); эксплуатацию природных ресурсов Восточного Туркестана, где уйгуры не получают свою долю от прибыли (ibid.); растущий разрыв в уровне благосостояния и доходов между уйгурами и ханьцами, в результате чего первые имеют более низкий уровень жизни; произвольные аресты и несправедливые судебные разбирательства (Amnesty International 2010); общее восприятие социальной и пространственной маргинализации (Smith Finley 2011, 80); а также продолжающиеся социальные эксперименты над всем уйгурским населением, цель которых заключается в стирании уйгурской идентичности.

Продолжающаяся массовая кампания по интернированию, проводимая китайским режимом, показывает, что уйгуры подвергаются насильственному задержанию, идеологической индоктринации, массовому наблюдению, принудительному труду, насильственному разделению семей, принудительной контрацепции, стерилизации и абортam, в то время как их дети подвергаются индоктринации в государственных детских домах и воспитываются как ханьские китайцы.

На данный момент только Соединенные Штаты продемонстрировали, что систематические нарушения прав человека в отношении уйгуров и других меньшинств в Восточном Туркестане имеют последствия. Сенат США единогласно принял Закон о политике в отношении прав человека уйгуров 2020 года, который вступил в силу 17 июня 2020 года; 9 июля 2020 года США наложили санкции на высших чиновников Коммунистической партии, связанных с массовым интернированием уйгуров, включая Чжэн Цюаньго, партийного секретаря Восточного Туркестана. Ряд компаний, участвующих в принудительном труде уйгуров, были внесены в черный список. Министерство финансов США наложило санкции в отношении Синьцзянского производственно-строительного корпуса (с вступлением в силу 30 сентября 2020 года), мощный конгломерат китайского режима в Восточном Туркестане, который также отвечает за непрерывную миграцию ханьцев в Восточный Туркестан с 1949 года.

Китайский режим совершает серьезные нарушения прав человека (преступления против человечности), которые соответствуют критериям геноцида, определенным Конвенцией ООН о предупреждении и наказании за преступление геноцида.

Роль коллективного и национального сознания, “которое по своей сути имеет тенденцию возникать и возобновляться, как бы часто и жестко оно ни подавлялось, во всех народах, чья национальная идентичность угрожает правящей власти” (Kanat, 1986, 118).

ССЫЛКИ

ABC (the Australian Broadcasting Corporation) 2018a. “China may have detained more than 1 million Uighurs in secret camps, UN human rights panel says.” August 11. <https://www.abc.net.au/news/2018-08-11/china-holding-1-million--uighurs-in-secret-camps-un-says/10109290>

———. 2018b. “China says 'completely untrue' it has detained a million Uighurs in education centres.” August 13. <https://www.abc.net.au/news/2018-08-13/china-has-prevented-great-tragedy-in-xinjiang/10113640>

AFP (Agence France-Presse) 2018. “Inside China’s Xinjiang internment camps: Tear gas, tasers and textbooks.” October 25. <https://www.afp.com/en/inside-chinas-internment-camps-tear-gas-tasers-and-textbooks>

Alexis-Martin, Becky. 2019. “The nuclear imperialism-necropolitics nexus: contextualizing Chinese-Uyghur oppression in our nuclear age.” *Eurasian Geography and Economics* 60, no.2: 152-176. <http://dx.doi.org/10.1080/15387216.2019.1645611>

Amnesty International. 2002. *China’s Anti-Terrorism Legislation and Repression in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region*. New York, NY: Amnesty International. <https://www.amnesty.org/download/Documents/116000/asa170102002en.pdf>

———. 2010 “Justice, Justice: the July 2009 Protests in Xinjiang, China.” July 2. <https://www.amnesty.org/download/Documents/36000/asa170272010en.pdf>

———. 2016. “Five facts about Ilham Tohti, award-winning activist jailed in China.” October 20. <https://www.amnesty.org/en/latest/campaigns/2016/10/five-facts-about-ilham-tohti-uighur-activist-jailed-in-china/>

Becquelin, Nicolas. 2004a. “Criminalizing Ethnicity: Political Repression in Xinjiang.” *China Rights Forum*, no.1:39-46.

———. 2004b. “Staged Development in Xinjiang.” *The China Quarterly*, 178, (June): 358-378. <https://doi.org/10.1017/S0305741004000219>

Blanchard, Ben. 2015. “At least 50 said killed in September Xinjiang attack as China warns on security.” *Reuters*, October 1. <https://www.reuters.com/article/us-china-xinjiang/at-least-50-said-killed-in-september-xinjiang-attack-as-china-warns-on-security-idUSKCN0RV38020151001>

Bunin, Gene A. 2019. “From Camps to Prisons: Xinjiang’s Next Great Human Right Catastrophe.” *Art of Life in Chinese Central Asia*, October 5. <https://livingotherwise.com/2019/10/05/from-camps-to-prisons-xinjiangs-next-great-human-rights-catastrophe-by-gene-a-bunin/>

Brophy, David. 2016. *Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia-China Frontier*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. Adobe PDF eBook.

———. 2011. “Tending to Unite? The Origins of Uyghur Nationalism.” PhD dissertation, Harvard University.

Borei, D. V. 2002. “Ethnic conflict and Qing land policy in Southern Xinjiang, 1760–1840.” In *Dragons, tigers, and dogs: Qing crisis management and the boundaries of state power in late imperial China*, edited by R. J. Antony and J. K. Leonard, 273 – 301. Ithaca, NY: East Asia Program, Cornell University.

Bovingdon, Gardiner. 2001. “The History of the History of Xinjiang.” *Twentieth Century China* 26, no. 2: 95–139. <http://dx.doi.org/10.1179/tcc.2001.26.2.95>

———. 2010. *The Uyghurs: Strangers in Their Own Land*. New York: Columbia University Press. Adobe PDF eBook.

Branigan, Tania. 2009. “Han Chinese launch revenge attacks on Uighur property.” *The Guardian*, July 7. <https://www.theguardian.com/world/2009/jul/07/fresh-protests-break-out-china>

Buckley, Chris. 2009a. “China raises Xinjiang death toll, adds ethnic detail.” *Reuters*, July 11. <https://www.reuters.com/article/us-china-xinjiang/china-raises-xinjiang-death-toll-adds-ethnic-detail-idUSTRE56907020090711?sp=>

———. 2009b. “China police hold man over ethnic brawl-report.” Edited by Valerie Lee. June 29, *Reuters*. <https://www.reuters.com/article/idUSPEK335769>

———. 2009c. “Han Chinese protesters seek Muslim Uighur targets.” *Reuters*, July 7. <https://www.reuters.com/article/us-china-xinjiang/han-chinese-protesters-seek-muslim-uighur-targets-idUSTRE5650SW20090707>

———. 2015. “China Passes Antiterrorism Law That Critics Fear May Overreach.” *The New York Times*, December 27. <https://www.nytimes.com/2015/12/28/world/asia/china-passes-antiterrorism-law-that-critics-fear-may-overreach.html>

Buckley, Chris, and Austin Ramzy. 2018. “China’s Detention Camps for Muslims Turn to Forced Labor.” *The New York Times*, December 16. <https://www.nytimes.com/2018/12/16/world/asia/xinjiang-china-forced-labor-camps-uighurs.html>

———. 2019. “Inside China’s Push to Turn Muslim Minorities into an Army of Workers.” *The New York Times*, published December 30, 2019, updated July 1 2020. <https://www.nytimes.com/2019/12/30/world/asia/china-xinjiang-muslims-labor.html>

Buckley, Chris, and Edward Wong. 2019. “Doubt Greets China’s Claim That Muslims Have Been Released from Camps.” *The New York Times*, July 30. <https://www.nytimes.com/2019/07/30/world/asia/china-xinjiang.html>

Byler, Darren. 2018. “Violent Paternalism: On the Banality of Uyghur Unfreedom.” *The Asia Pacific Journal* 16, issue 24, no. 4: 1-15. [https://apjif.org/-Darren Byler/5228/article.pdf](https://apjif.org/-Darren%20Byler/5228/article.pdf)

———. 2019a. “Xinjiang education reform and the eradication of Uyghur-language books.” *SupChina*, Oct 2. <https://supchina.com/2019/10/02/xinjiang-education-reform-and-the-eradication-of-uyghur-language-books/>

———. 2019b. “Ghost World.” *Logic Magazine*, 07: 89-108. May 1. <https://logicmag.io/china/ghost-world/>

———. 2019c. “How companies profit from forced labor in Xinjiang.” *SupChina*, September 4. <https://supchina.com/2019/09/04/how-companies-profit-from-forced-labor-in-xinjiang/> ————. 2020. “The Global Implications of “Re-education” Technologies in Northwest China.” *The Center for Global Policy*. June 8. [https://cgpolicy.org/articles/the-global-implications-of-re education-technologies-in-northwest-china/](https://cgpolicy.org/articles/the-global-implications-of-re-education-technologies-in-northwest-china/)

CECC (Congressional-Executive Commission on China). 2009. “Recruitment for State Jobs in Xinjiang Discriminates Against Ethnic Minorities.” July 2. <https://www.cecc.gov/publications/commission-analysis/recruitment-for-state-jobs-in-xinjiang-discriminates-against-ethnic>

Chao, Steve. 2019. “Exposed: China’s Surveillance of Muslim Uighurs.” *Al Jazeera News*, February 1. [https://www.aljazeera.com/blogs/asia/2019/01/exposed-china-surveillance-muslim uighurs-190130011449217.html](https://www.aljazeera.com/blogs/asia/2019/01/exposed-china-surveillance-muslim-uighurs-190130011449217.html)

Chinese Human Rights Defenders. 2018. “Criminal Arrests in Xinjiang Account for 21% of China’s Total in 2017.” July 25. <https://www.nchrd.org/2018/07/criminal-arrests-in-xinjiang>

[account-for-21-of-chinas-total-in-2017/](#)

———. 2020. “CHRD Stands Firmly by Estimate of One Million Uyghurs Detained.” August 3. <https://www.nchrd.org/2020/08/chrd-stands-firmly-by-estimate-of-one-million-uyghurs-detained/> Clarke, Donald.

2018. “No, New Xinjiang Legislation Does not Legalize Detention Centers.” *Lawfare*, October 11. <https://www.lawfareblog.com/no-new-xinjiang-legislation-does-not-legalize-detention-centers>

Clarke, Michael. 2007. “The Problematic Progress of ‘Integration’ in the Chinese State's Approach to Xinjiang 1759 – 2005.” *Asian Ethnicity* 8, no. 3 (October): 261-289. <https://doi.org/10.1080/14631360701595015>

———. 2018. “In Xinjiang, China’s ‘Neo-Totalitarian’ Turn Is Already a Reality.” *The Diplomat*, March 10. <https://thediplomat.com/2018/03/in-xinjiang-chinas-neo-totalitarian-turn-is-already-a-reality/>

Cliff, Thomas. 2009. “Neo Oasis: The Xinjiang Bingtuan in the Twenty-First Century.” *Asian Studies Review* 33, no. 1: 83–106. <https://doi.org/10.1080/10357820802714807> Cliff, Tom. 2019. “Xinjiang Today: Wang Zhen Rides Again?” In *Dog Days: Made in China Yearbook 2018*, edited by Franceschini Ivan, Loubere Nicholas, Lin Kevin, Nesossi Elisa, Pia Andrea E., and Sorace Christian, 180-83. Acton ACT, Australia: ANU Press.

<https://www.jstor.org/stable/j.ctvfrxqc.37>.

———. 2020. “Refugees, Conscripts, and Constructors: Developmental Narratives and Subaltern Han in Xinjiang, China.” *Modern China* : 1-29. <https://doi.org/10.1177/0097700420904020>

Colquhoun, Archibald R. 1900. “Russian Central Asia: Countries and Peoples.” *Scientific American Supplement* 50, 1281supp (July): 20537-20538. <https://doi.org/10.1038/scientificamerican07211900-20537supp>

Cummins, Jim. 2001. “Bilingual Children’s Mother Tongue: Why is it important for education?” *Sproforum* 7, no.19: 15-20. https://www.lavplu.eu/central/bibliografie/cummins_eng.pdf Czaplicka, Marie Antoinette. 1918.

The Turks of Central Asia in the History and at the Present Day: An ethnological inquiry into the Pan-Turanian problem, and bibliographical material relating to the early Turks and the present Turks of Central Asia. Oxford: Clarendon Press. Daum, Jeremy. 2018. “XJ Education Centers Exist, but does their legal basis?” *China Law Translate*, August 14. <https://www.chinalawtranslate.com/xj-education-centers-exist-but-does-their-legal-basis/?lang=en>

Denyer, Simon. 2014. “China's war on terror becomes all-out attack on Islam in Xinjiang.” *The Washington Post*, September 19. https://www.washingtonpost.com/world/chinas-war-on-terror-becomes-all-out-attack-on-islam-in-xinjiang/2014/09/19/5c5840a4-1aa7-4bb6-bc63-69f6bfba07e9_story.html

———. 2018. “Former inmates of China’s Muslim ‘reeducation’ camps tell of brainwashing, torture.” *The Washington Post*, May 17. https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/former-inmates-of-chinas-muslim-re-education-camps-tell-of-brainwashing-torture/2018/05/16/32b330e8-5850-11e8-8b92-45fdd7aaef3c_story.html

Dillon, Michael. (2019). *Xinjiang in the Twenty-First Century: Islam, Ethnicity and Resistance*. New York: Routledge. Adobe PDF eBook.

Duara, Prasenjit. 1995. *Rescuing History from the Nation: Questioning Narratives of Modern China*. Chicago: University of Chicago Press.

Duncan, Max. 2009. “China says police shot dead 12 Uighurs this month.” *Reuters*, July 18. <https://www.reuters.com/article/us-china-xinjiang/china-says-police-shot-dead-12-uighurs-this-month-idUSTRE56H1LN20090718>

Dwyer, Arienne M. 2005. *The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse*.

Policy Studies, no.15. Washington, D.C.: East-West Center. PDF. <https://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/PS015.pdf?file=1&type=node&id=32051>

Feng, Emily. 2017. "China targets Muslim Uighurs studying abroad." *Financial Times*, August 1. <https://www.ft.com/content/0ecec4fa-7276-11e7-aca6-c6bd07df1a3c>

———. 2018a. "Crackdown in Xinjiang: Where have all the people gone?" *Financial Times*, August 5. <https://www.ft.com/content/ac0ffb2e-8b36-11e8-b18d-0181731a0340> ———. 2018b. "Uighur children fall victim to China anti-terror drive." *Financial Times*, July 10. <https://www.ft.com/content/f0d3223a-7f4d-11e8-bc55-50daf11b720d>

Foster, Peter, and Malcolm Moore. 2009a. "China arrests 1,400 in aftermath of Xinjiang riots." *The Telegraph*, July 7. <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/china/5764333/china-arrests-1400-in-aftermath-of-Xinjiang-riots.html>

———. 2009b. "China begins the hunt for Xinjiang rioters." *The Telegraph*, July 9. <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/china/5786464/China-begins-the-hunt-for-Xinjiang-rioters.html>

Gan, Nectar. 2017. "Ban on beards and veils – China's Xinjiang passes law to curb 'religious extremism'." *South China Morning Post*, March 30. <https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2083479/ban-beards-and-veils-chinas-xinjiang-passes-regulation>

Gladney, Dru C. 1990. "The Ethnogenesis of the Uyghur." *Central Asian Survey* 9, no.1:1–28. <https://doi.org/10.1080/02634939008400687>

———. 2004. "The Chinese Program of Development and Control, 1978-2001." In *Xinjiang: China's Muslim Borderland*, edited by S. Frederick Starr, 101–119. Armonk, N.Y.: Sharpe. Global Times. 2018. "1.1 million civil servants in Xinjiang pair up with ethnic minority residents to improve unity." November 7. <http://www.globaltimes.cn/content/1126378.shtml> or <https://archive.vn/LljAd>

Greer, Tanner. 2018. "48 Ways to Get Sent to a Chinese Concentration Camp." *Foreign Policy*, September 13. <https://foreignpolicy.com/2018/09/13/48-ways-to-get-sent-to-a-chinese-concentration-camp/>

Groot, Gerry. 2019. "Internment and Indoctrination — Xi's 'New Era' in Xinjiang." In *Power*, edited by Golley Jane, Jaivin Linda, Farrelly Paul J., and Strange Sharon, 98-112. Acton ACT, Australia: ANU Press. <https://www.jstor.org/stable/j.ctvfrxqkv.14>

Grose, Timothy. 2015. "(Re)Embracing Islam in *Neidi*: the 'Xinjiang Class' and the dynamics of Uyghur ethno-national identity." *Journal of Contemporary China* 24, no.91: 101-118. <https://doi.org/10.1080/10670564.2014.918408>

———. 2019. "'Once Their Mental State Is Healthy, They Will Be Able to Live Happily in Society': How China's Government Conflates Uighur Identity with Mental Illness." *ChinaFile*, August 2. <https://www.chinafile.com/reporting-opinion/viewpoint/once-their-mental-state-healthy-they-will-be-able-live-happily-society>

Harris, Lillian Craig. 1993. "Xinjiang, Central Asia and the Implications for China's Policy in the Islamic World." *China Quarterly* 133:111–29.

Hess, Stephen E. 2009. "Islam, Local Elites, and China's Missteps in Integrating the Uyghur Nation." *Orta Asya ve Kafkasya Araştırmaları (OAKA) [Journal of Central Asian and Caucasian Studies]* 4, no.7: 75-96. <http://www.acarindex.com/dosyalar/makale/acarindex-1423910558.pdf>

Hille, Kathrin. 2009. "Xinjiang widens crackdown on Uighurs." *Financial Times*, July 19. <https://>

www.ft.com/content/5aa932ee-747c-11de-8ad5-00144feabdc0

HRW (Human Rights Watch). 2002. "China Human Rights Update." February: 1-12. Washington. DC. https://www.hrw.org/legacy/backgrounder/asia/china_update.pdf

———. 2005. "Devastating Blows: Religious Repression of Uighurs in Xinjiang." 17, no.2(C): 1-115. <https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/china0405.pdf>

———. 2009. "'We are Afraid to Even Look for Them': Enforced Disappearances in the Wake of Xinjiang's Protests. New York, NY.

———. 2017. "China: Minority Region Collects DNA from Millions." December 13. <https://www.hrw.org/news/2017/12/13/china-minority-region-collects-dna-millions>

———. 2018a. "'Eradicating Ideological Viruses': China's Campaign of Repression Against Xinjiang's Muslims." https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/china0918_web2.pdf

———. 2018b. "China: Visiting Officials Occupy Homes in Muslim Region." May 13. <https://www.hrw.org/news/2018/05/13/china-visiting-officials-occupy-homes-muslim-region>

———. 2019a. "China: Xinjiang Children Separated from Families." September 15. <https://www.hrw.org/news/2019/09/15/china-xinjiang-children-separated-families>

———. 2019b. "China's Algorithms of Repression: Reverse Engineering a Xinjiang Police Mass Surveillance App." May. https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/china0519_web5.pdf

Huang, Yan, and Ken Wills. 2010. "China allows Internet access in Xinjiang 10 months after riots." *Reuters*, May 14. <https://www.reuters.com/article/us-china-xinjiang-internet/idUSTRE64D0MB20100514>

Hurd, Hilary. 2018. "China's Human Rights Abuses Against Uighurs in Xinjiang." *Lawfare*, October 9. <https://www.lawfareblog.com/chinas-human-rights-abuses-against-uighurs-xinjiang>

Huttmann, William. 1844. "On Chinese and European Maps of China." *The Journal of the Royal Geographical Society of London*, 14: 117-127. <https://doi.org/10.2307/1798052>

Information Office of the State Council of the PRC. 2003. "White Paper on the History and Development of Xinjiang." May, Beijing. Accessed October 8, 2019. <https://web.archive.org/web/20191008034508/http://www.china.org.cn/e-white/20030526/index.htm>

Also available at <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.cjilaw.a000538>

Ingram, Ruth. 2020. "Confessions of a Xinjiang Camp Teacher." *The Diplomat*, August 17. <https://thediplomat.com/2020/08/confessions-of-a-xinjiang-camp-teacher/>

Introvigne, Massimo. 2018. "New Exclusive Video: Another 'Transformation Through Education' Camp for Uyghurs Exposed in Xinjiang." *Bitter Winter*, November 26. <https://bitterwinter.org/exclusive-video-transformation-through-education-camp-for-uyghurs-exposed-in-xinjiang/>

———. 2020. "Rape in Xinjiang Camps: The Tibetan Precedent." *Bitter Winter*, February 11. <https://bitterwinter.org/rape-in-xinjiang-camps-the-tibetan-precedent/>

Jacobs, Andrew. 2009a. "At a Factory, the Spark for China's Violence." *The New York Times*, July 15. <http://www.nytimes.com/2009/07/16/world/asia/16china.html>

Jacobs, Andrew, and Didi Kirsten Tatlow. 2014. "Attack Kills More Than 30 in Western China Market." *The New York Times*, May 22. <https://www.nytimes.com/2014/05/23/world/asia/deadly-attack-in-western-china.html>

Jarring, Gunnar. 1986. *Return to Kashgar*. Durham, NC: Duke University.

Kadeer, Rebiya. 2009. "A civil rights movement for Uighurs." *The Guardian*, July 14. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2009/jul/14/china-uyghur-equality-xinjiang>

Kanat, Ömer. 1986.

“Comments on ‘the identity and nationality problem in Chinese central Asia’.” *Central Asian Survey* 5, no.2: 113-119. <https://doi.org/10.1080/02634938608400549>

Kuo, Lily. 2018. “My Soul, Where Are You? Families of Muslims Missing in China Meet Wall of Silence.” *The Guardian*, September 13. <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/13/uighur-xinjiang-family-missing-china-kazakhstan>

Lal, Amrit. 1970. “Sinification of Ethnic Minorities of China.” *Current Scene* 8, no. 4: 1-25. <http://turkistanilibrary.com/download/file/fid/11432>

Law of the People's Republic of China on Regional National Autonomy (2001 Amendment). 2001. Feb 28. Beijing: Standing Committee of the National People's Congress. English Translation retrieved from <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/35194/124676/F2146249224/CHN35194%20ChnEng.pdf>

Leibold, James. 2020. “Surveillance in China's Xinjiang region: Ethnic Sorting, Coercion, and Inducement.” *The Journal of Contemporary China*. 29, no.121: 46-60. <https://doi.org/10.1080/10670564.2019.1621529>

Li Dezhu. 2000. “Xibu da kaifa yu minzu wenti” [“Development of the Western Regions and Our Country's Nationality Problems”], *Qiushi [Seeking Truth]*, no. II (June): 22-25. McMillen, Donald H. 1981. “Xinjiang and the Production and Construction Corps: a Han organization in a non-Han region.” *Australian Journal of Chinese Affairs*, no. 6 (July): 65-91. <https://doi.org/10.2307/2159052>

Millward, James A. 1999. ““Coming onto the Map”: “Western Regions” Geography and Cartographic Nomenclature in the Making of Chinese Empire in Xinjiang.” *Late Imperial China* 20, no. 2: 61-98. <https://doi.org/10.1353/late.1999.0008>

———. 2000. “Historical Perspectives on Contemporary Xinjiang.” *Inner Asia* 2, no. 2: 121-135. <https://doi.org/10.1163/146481700793647814>

———. 2007. *Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang*. New York: Columbia University Press. Adobe PDF eBook.

———. 2009a. “Eastern Central Asia (Xinjiang): 1300–1800.” In *The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age*, edited by Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, and Peter B. Golden, 260-76. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139056045.017>

———. 2009b. “Introduction: Does the 2009 Urumchi violence mark a turning point?” *Central Asian Survey* 28, no. 4: 347-360. <https://doi.org/10.1080/02634930903577128> Millward, J. A. and Tursun, N. 2004. “Political history and strategies of control, 1884–1978.” In *Xinjiang: China's Muslim Borderland*, edited by S. Frederick Starr, 63–98. Armonk, NY: M. E. Sharpe. Millward, James A., and Peter C. Perdue. 2004. “Political and Cultural History of Xinjiang Region through the Late Nineteenth Century.” In *Xinjiang: China's Muslim Borderland*, edited by S. Frederick Starr, 27-62. Armonk, NY: M.E. Sharpe.

Mouldu (mouldu.com 华夏信息网). 2020. “高考资讯:2020年新疆内高班继续扩招 录取新生达 9880人” [College Entrance Exam Information: 2020 Xinjiang Class Enrollment Continued to Expand, Enrollments Reach 9880]. July 2. <http://news.mouldu.com/hangqing/070228486.html> also available at <https://web.archive.org/web/20200713152048/http://news.mouldu.com/hangqing/070228486.html>

Nikkei Asian Review. 2019. “Xinjiang: What China shows world vs. what former detainee describes.” August 10. <https://asia.nikkei.com/Politics/Xinjiang-What-China-shows-world-vs.-what-former-detainee-describes>

O’Keeffe, Kate, and Katy Stech Ferek. 2019. “Stop Calling China’s Xi Jinping ‘President,’ U.S. Panel Says.” *The Wall Street Journal*, November 14. <https://www.wsj.com/articles/stop-calling>

[chinas-xi-jinping-president-u-s-panel-says-11573740000](#)

Olesen, Alexa. 2014. "Welcome to the Uighur Web." *Foreign Policy*, April 21. <https://foreignpolicy.com/2014/04/21/welcome-to-the-uighur-web/>

Prichard, James Cowles. 1839. "On the Ethnography of High Asia." *The Journal of the Royal Geographical Society of London*, 9: 192-215. <https://doi.org/10.2307/1797721> Rajagopalan, Megha. 2013. "China security chief blames Uighur Islamists for Tiananmen attack." *Reuters*, November 1. <https://www.reuters.com/article/us-china-tiananmen/china-security-chief-blames-uighur-islamists-for-tiananmen-attack-idUSBRE9A003L20131101>

Ramzy, Austin. 2009. "After Deadly Riots, Ethnic Tensions Heat Up in Urumqi." July 7. <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1908969,00.html>

Rauhala, Emily, and Anna Fifield. 2019. "She survived a Chinese internment camp and made it to Virginia. Will the U.S. let her stay?" *The Washington Post*, November 17. <https://www.washingtonpost.com/world/2019/11/17/she-survived-chinese-internment-camp-made-it-virginia-will-us-let-her-stay/?arc404=true>

Reny, Marie-Eve. 2009. "The political salience of language and religion: patterns of ethnic mobilization among Uyghurs in Xinjiang and Sikhs in Punjab." *Ethnic and Racial Studies* 32, no.3: 490-521. <https://doi.org/10.1080/01419870701722463>

Reyhner, Jon and Navin Kumar Singh. 2010. "Cultural genocide in Australia, Canada, New Zealand, and the United States: The destruction and transformation of Indigenous cultures." *Indigenous Policy Journal* XXI, no. 4: 1-26. <http://indigenouspolicy.org/index.php/ipj/article/viewFile/23/7>

RFA (Radio Free Asia). 2002. "Chinese Authorities Burn Thousands of Uyghur Books." June 4 <https://www.rfa.org/english/news/85965-20020604.html?searchterm:utf8:ustring=%20book%20burning>

———. 2004. "China Imposes Chinese Language on Uyghur Schools." March 16 <https://www.rfa.org/english/news/social/130822-20040316.html?searchterm:utf8:ustring=%20Uyghur%20language%20instruction>

———. 2009a. "'No rapes' in riot town." June 29. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/ethnic-clash-06292009102144.html>

———. 2009b. "Urumqi Tense, Quiet after Violence." July 5. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/riots-07052009153209.html?searchterm:utf8:ustring=%20Urumqi%20tense%2C%20quiet%20after%20violence>

———. 2009c. "Clampdown on Uyghur Cities." July 9. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/clampdown-07092009101424.html?searchterm:utf8:ustring=%20clampdown%20on%20Uyghur%20cities>

———. 2010. "Cuts Expected for Uyghur Teachers: Authorities plan to fire hundreds of Uyghur teachers in northwest China." Nov 16. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/teachers-11162010130254.html?searchterm:utf8:ustring=%20Uyghur%20language%20instruction>

———. 2011. "Teachers Fired Over Mandarin Ability: Uyghur teachers are losing their jobs as authorities ramp up bilingual education in Xinjiang." September 23. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/teachers-09232011160635.html?searchterm:utf8:ustring=%20Uyghur%20language%20instruction>

———. 2016. "Uyghurs 'Fenced In' to Neighborhoods in China's Xinjiang Region." August 19. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/fenced-08192016163850.html>

- . 2017. “China Bans Uyghur Language in Schools in Key Xinjiang Prefecture.” Aug 4 updated. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/language-07282017143037.html?searchterm:utf8:ustring=%20Uyghur%20language%20instruction>
- . 2019. “Expert Estimates China Has More Than 1,000 Internment Camps for Xinjiang Uyghurs.” November 12. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/zenz-11122019161147.html>
- . 2020a. “Residents of Uyghur-Majority County in Xinjiang Ordered to Report Others Fasting During Ramadan.” May 14 <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/fasting-05142020144511.html>
- . 2020b. “Xinjiang Authorities Institute Mandarin-Only Instruction at Prominent Uyghur High School.” June 12. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/school-06122020180620.html?searchterm:utf8:ustring=%20uyghur%20language%20in%20school>
- . 2020c. “Xinjiang Hospitals Aborted, Killed Babies Outside Family Planning Limits: Uyghur Obstetrician.” August 17. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/abortions-08172020144036.html>
- . 2020d. “Xinjiang Authorities Instruct Residents to Mislead Investigators Over Population Controls.” July 22. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/investigators-07222020150455.html>
- Roberts, Sean R. 2012. “Imaginary Terrorism? The Global War on Terror and the Narrative of the Uyghur Terrorist Threat.” *PONARS Eurasia Working Paper*, March. https://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/Roberts_WorkingPaper_March2012.pdf
- . 2018. “The Biopolitics of China’s ‘War on Terror’ and the Exclusion of the Uyghurs.” *Critical Asian Studies*, 50, no. 2: 232–258. <https://doi.org/10.1080/14672715.2018.1454111>
- . 2020. “China's hidden partner in suppressing the Muslim Uighurs – the US.” *The Guardian*, June 24. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/jun/24/china-suppressing-muslim-uighurs-us-trump-9-11>
- Rollet, Charles. 2018. “Dahua and Hikvision Win Over \$1 Billion In Government-Backed Projects In Xinjiang.” *IPVM*, April 23. <https://ipvm.com/reports/xinjiang-dahua-hikvision>
- Schluessel, Eric T. 2007. “‘Bilingual’ education and discontent in Xinjiang.” *Central Asian Survey* 26, no.2: 251–277. <https://doi.org/10.1080/02634930701517482>
- Shih, Gerry. 2017. “Thousands disappear as China polices thought.” *Chicago Tribune* via *Associated Press*, December 17. <https://www.chicagotribune.com/nation-world/ct-china-uyghur-disappearances-20171217-story.html>
- . 2018. “China’s Mass Indoctrination Camps Evoke Cultural Revolution.” *The Associated Press*, May 18. <https://apnews.com/6e151296fb194f85ba69a8babd972e4b>
- Smith, Joanne. 2000. “Four Generations of Uyghurs: The Shift Towards Ethno-Political Ideologies Among Xinjiang’s Youth.” *Inner Asia* 2, no. 2: 195–224. <https://www.jstor.org/stable/23615557>
- . 2002. “Making Culture Matter: Symbolic, Spatial, and Social Boundaries between Uyghurs and Han Chinese.” *Asian Ethnicity* 3, no.2: 153–74. <https://doi.org/10.1080/14631360220132718>
- Smith Finley, Joanne. 2007. “‘Ethnic Anomaly’ or Modern Uyghur Survivor? A Case Study of the *Minkaohan* Hybrid Identity in Xinjiang.” In *Situating the Uyghurs between China and Central Asia*, edited by Ildikó Bellér-Hann, M. Cristina Cesàro, Rachel Harris and Joanne Smith Finley. 219–38. Aldershot: Ashgate. Adobe PDF eBook.
- . 2011. “No Rights Without Duties: *Minzu pingdeng* [Nationality Equality] in Xinjiang since the 1997 Ghulja Disturbances.” *Inner Asia* 13, no.1: 73–96. <https://doi.org/10.1163/000000011797372940>
- . 2018. “Uyghur Identities.” In *Sage Handbook of Contemporary China*, edited by Frazier MW &

Weiping W, 736-759. London: Sage. Adobe PDF eBook.

Smith Finley, Joanne and Xiaowei Zang. 2015. "Language, education and Uyghur identity: An introductory essay." In *Language, Education and Uyghur Identity in Urban Xinjiang*, edited by Joanne Smith Finley and Zang Xiaowei. 1-33. London: Routledge. Adobe PDF eBook.

Sonnad, Nikhil. 2017. "Xi Jinping is not the "president" of China." *Quartz*, November 2. <https://qz.com/1112638/xi-jinping-title-xi-jinping-is-not-the-president-of-china/>

Statistic Bureau of Xinjiang Uygur Autonomous Region. 2017. "Gè dì zhōu shì xiàn (shì) fēn mínzú rénkǒu shù [Population statistics in different regions, cities, villages]." March 15. Accessed Sep 19, 2019. http://web.archive.org/web/20190919164943/http://www.xjtj.gov.cn/sjcx/tjnj_3415/2016xjtjn/rkjy/201707/t20170714_539450.html

Stone Fish, Isaac. 2019. "Stop Calling Xi Jinping "President"." *Slate*, August 8. <https://slate.com/news-and-politics/2019/08/xi-jinping-president-chairman-title.html>

Sudworth, John. 2019. "China Muslims: Xinjiang schools used to separate children from families." *BBC*, July 4. <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-48825090> The Associated Press. 2020. "China cuts Uighur births with IUDs, abortion, sterilization." June 29. <https://apnews.com/269b3de1af34e17c1941a514f78d764c>

Thum, Rian. 2009. "The Ethnicization of Discontent in Xinjiang." *The China Beat Blog Archive 2008-2012*. 574. <http://digitalcommons.unl.edu/chinabeatarchive/574>

———. 2012. "Modular History: Identity Maintenance before Uyghur Nationalism." *The Journal of Asian Studies* 71, no. 3 (August): 627–653. <https://doi.org/10.1017/S0021911812000629> UHRP (Uyghur Human Rights Project). 2012. "Uyghur Homeland, Chinese Frontier: The Xinjiang Work Forum and Centrally Led Development." <https://docs.uhrp.org/Uyghur-homeland-Chinese-Frontier.pdf>

Vanderklippe, Nathan. 2017. "China Probes Deeper into the Lives of Uyghur Minority." *The Globe and Mail*, December 29. <https://www.theglobeandmail.com/news/world/scholars-shocked-by-changes-in-chinas-xinjiang-comparing-it-to-north-korea-and-apartheid-era-southafrica/article37455333/>

Wang, Yanan, and Dake Kang. 2018. "China treats Uighur kids as 'orphans' after parents seized." *The Associated Press*, September 22. <https://apnews.com/903a97b7c62a47b98553b6f422827dd7> Watts, Jonathan. 2009. "Old suspicions magnified mistrust into ethnic riots in Urumqi." *The Guardian* (UK), July 10, International Edition <https://www.theguardian.com/world/2009/jul/10/china-riots-uighurs-han-urumqi>

Wingfield-Hayes, Rupert. 2002. "Language blow for China's Muslims." *BBC News*, June 1. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/2020009.stm>

Wong, Edward. 2015. "China Executes 3 Over Deadly Knife Attack at Train Station in 2014." *The New York Times*, March 24. <https://www.nytimes.com/2015/03/25/world/asia/china-executes-3-over-deadly-knife-attack-at-train-station-in-2014.html>

———. 2016. "Police Confiscate Passports in Parts of Xinjiang, in Western China." *The New York Times*, December 1. <https://www.nytimes.com/2016/12/01/world/asia/passports-confiscated-xinjiang-china-uighur.html>

Woolford, Andrew. 2009. "Ontological Destruction: Genocide and Canadian Aboriginal Peoples." *Genocide Studies and Prevention: An International Journal (GSP)* 4, no. 1: 81-97. <https://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1149&context=gsp>

Xu, Vicky Xiuzhong, Danielle Cave, James Leibold, Kelsey Monro, and Nathan Ruser. 2020. "Uyghurs for Sale: 'Re-education', Forced Labor, and Surveillance Beyond Xinjiang." Policy Brief, Report no. 26. The

Australian Strategic Policy Institute (ASPI). https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2020-08/Uyghurs%20for%20sale%2013%20August%202020.pdf?q4eKae3iOcoTplsrfMDb3_9Rzy2J9S_c

Yi, Xiaocuo. 2019. "Recruiting loyal stabilisers: on the banality of carceral colonialism in Xinjiang." *Made in China* 4, no. 3: 54-61. <https://madeinchinajournal.com/2019/10/25/recruiting-loyal-stabilisers-on-the-banality-of-carceral-colonialism-in-xinjiang/>

Zand, Bernhard. 2018. "A Surveillance State Unlike Any the World Has Ever Seen." *Spiegel International*, July 26. <https://www.spiegel.de/international/world/china-s-xinjiang-province-a-surveillance-state-unlike-any-the-world-has-ever-seen-a-1220174.html>

Zang, Xiaowei. 2011. "Uyghur-Han Earnings Differentials in Ürümqi." *The China Journal*, no. 65 (January): 141-155. <https://doi.org/10.1086/tcj.65.25790561>

Zenz, Adrian. 2019a. "'Thoroughly reforming them towards a healthy heart attitude': China's political re-education campaign in Xinjiang." *Central Asian Survey* 38, no. 1: 102-128. <https://doi.org/10.1080/02634937.2018.1507997>

———. 2019b. "Brainwashing, Police Guards and Coercive Internment: Evidence from Chinese Government Documents about the Nature and Extent of Xinjiang's "Vocational Training Internment Camps"." *Journal of Political Risk* 7, no. 7. (July). <http://www.jpolrisk.com/brainwashing-police-guards-and-coercive-internment-evidence-from-chinese-government-documents-about-the-nature-and-extent-of-xinjiangs-vocational-training-internment-camps/>

———. 2019c. "Break Their Roots: Evidence for China's Parent-Child Separation Campaign in Xinjiang." *Journal of Political Risk* 7, no. 7. (July). https://www.jpolrisk.com/break-their-roots-evidence-for-chinas-parent-child-separation-campaign-in-xinjiang/#_ftnref3

———. 2019d. "Beyond the Camps: Beijing's Long-Term Scheme of Coercive Labor, Poverty Alleviation and Social Control in Xinjiang." *Journal of Political Risk* 7, no. 12. (December). <https://www.jpolrisk.com/beyond-the-camps-beijings-long-term-scheme-of-coercive-labor-poverty-alleviation-and-social-control-in-xinjiang/>

———. 2020a. *Sterilizations, IUDs, and Mandatory Birth Control: The CCP's Campaign to Suppress Uyghur Birthrates in Xinjiang*. Washington, DC: The Jamestown Foundation. <https://jamestown.org/wp-content/uploads/2020/06/Zenz-Internment-Sterilizations-and-IUDs-UPDATED-July-21-Rev2.pdf?x42750>

———. 2020b. "The Karakax List: Dissecting the Anatomy of Beijing's Internment Drive in Xinjiang." *Journal of Political Risk* 8, no. 2, <https://www.jpolrisk.com/karakax/> Zenz, Adrian, and James Leibold. 2017a. "Chen Quanguo: the strongman behind Beijing's securitization strategy in Tibet and Xinjiang." *China Brief* 17, no. 12: 16-24. https://jamestown.org/wp-content/uploads/2017/09/CB_17_12.pdf?x90091

———. 2017b. "Xinjiang's Rapidly Evolving Security State." *China Brief* 17, no. 4: 21-27. https://jamestown.org/wp-content/uploads/2017/03/CB_17_4.pdf?x94369 Zhu Jun. 2004. "'Dong Tu' zuixing bei wang lu" [Memorandum on 'East Turkistan' Crimes]. *Jiancha fengyun*, no. 23:16-17.